

ISSN: 2500-0225

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№2 (10)

2018

ISSN: 2500-0225

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Scientific e-journal

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№2 (10)

2018

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2018, №2 (10)
Основан в 2016 г.

Журнал является периодическим изданием, выходящим четыре раза в год, не имеющим печатной версии. В журнале публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Журнал является рецензируемым научным изданием, посвященным проблемам фронта. Все статьи перед публикацией проходят экспертную оценку ведущих ученых.

- Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл № ФС77-61330 от 07 апреля 2015 г.
- ISSN: 2500-0225

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

Якушенков Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКОЙ ВЕРСИИ

Саракаева Элина Алиевна, кандидат филологических наук, доцент, Хайнаньский университет, Хайкоу (КНР)

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР:

Алиев Растям Туктарович, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Якушенков Сергей Николаевич, (Главный редактор), доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Федорова Мария Михайловна, доктор политических наук, ИФ РАН

Гринев Андрей Вальтерович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (СПбГУП), профессор кафедры культурологии и социологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (СПбГПУ).

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Khodarkovsky Michael, Ph.D. in History, professor of Loyola University Chicago.

Romaniello Matthew P., Ph.D. in History, associate Professor of History, University of Hawaii at Manoa; associate Editor «The Journal of World History»

Geraci Robert P., Ph.D. in History, associate Professor of Department of History of University of Virginia.

Sunderland Willard, Ph.D. in History, Henry R. Winkler Professor of Modern History, Department of History, University of Cincinnati.

КОНТАКТЫ:

По издательским вопросам:

Главный редактор журнала (Якушенков Сергей Николаевич)

E-mail: editorialboard.jsf@gmail.com

По организационным вопросам:

Дирекция журнала (Топчиев Михаил Сергеевич)

E-mail: G.F.N@inbox.ru

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис. Фронтир. Наука».

Адрес: г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

Все статьи публикуются в авторской редакции. Мнение редколлегии журнала может не совпадать с мнением авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЙСКИЙ ФРОНТИР

Торопицын И.В.

Большие ноги на Северном Кавказе в середине XVII в.....7

Канатьева Н.С.

Каспулат Удалой, или защита Астраханского кремля во время
Разинского бунта29

Тюрин А.М.

Оренбуржье: фронтир по реке Бердянка. Казаки и переселенцы
земледельцы41

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФРОНТИРНОЙ ТЕОРИИ

Хлыщева Е.В.

Фронтир идентичностей: проблема культурных границ61

Толстокорова А.В.

Пищевые дивиденды миграции: агенты трансграничности и
культурного континуума70

Кирчанов М.В.

Блеск и нищета пирамидологии, или фронтирные случаи
(не)знания: от ориентализма к алиентализму.....89

CONTENT

RUSSIAN FRONTIER

Toropitsyn I.V.

The Big Nogai in the North Caucasus in the middle of the 17th century
B.....7

Kanateva N.S.

Kaspulat the Brave, or protection of the Astrakhan kremlin during the
Razin's rebellion.....29

Tyurin A.M.

Orenburg region: the frontier on the river Berdianka. The cossacks and
settlers farmers41

RELATED PROBLEMS OF FRONTIER THEORY

Khlysheva E.V.

The frontier of identities: the problem of cultural borders61

Tolstokorova A.V.

Food dividends of migration: agents of cross-borderness and cultural
continuity.....70

Kyrchanoff M.W.

The splendours and miseries of pyramidology, or the frontier cases of
(not)knowledge: from orientalism to alientalism89

БОЛЬШИЕ НОГАИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В СЕРЕДИНЕ XVII В.

Торопицын И.В.

Торопицын Илья Васильевич, Астраханский государственный университет,
414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а, Эл. Почта: itoropitsyn@mail.ru

Кавказская тематика занимает особое место в истории России. С Кавказом связаны многие яркие и трагические страницы истории нашего государства. Российское присутствие в этом регионе обозначилось во второй половине XVI в. При этом о каких-либо границах России на Кавказе в период XVI-XVII вв. можно говорить весьма условно, так как границы не обозначались на картах и тем более на местности. Для данного периода времени применительно к Кавказу характерно определение границ в формате признания сопредельными странами неких территорий в качестве сфер влияния того или иного государства. Это могло быть владение какого-либо феодала, вступившего в подданство, территория которого становилась частью государства, и внешний рубеж ее являлся границей уже всей страны. При этом далеко не всегда центральные власти стремились зафиксировать эти границы, а их охрана была фактически уделом местной феодальной знати. В случае если феодал выходил из подданства, а для этого не обязательно было делать это письменно, достаточно было фактически переставать соблюдать условия договоров (шертных грамот), то и контролируемая им территория переставала быть частью государства, хотя центральная власть могла по инерции продолжать считать такое владение сферой своего влияния. Полагаться в таких случаях на то, что граница находится на замке, не приходилось. Даже присутствие опорных пунктов в лице крепостей и острогов не гарантировало полного контроля над обстановкой в районе российской границы на Кавказе. Проникновение через нее было обыденным делом. Подобные коллизии в отношении границы на Кавказе привели в середине XVII в. к серьезному конфликту между Россией с Персией.

Ключевые слова: Россия, Персия, Астрахань, Терек, ногайцы, кумыки, XVII в.

Вступление

В начале 1630-х гг. в Нижнем Поволжье происходят важные политические события. Значительная часть улусов Большой Ногайской орды, переживавшей не лучшие политические и экономические времена, оставляет свои кочевья на луговой стороне Волги, а затем уходит еще дальше на Запад. На решение ногайцев покинуть приволжские степи повлияла не только возросшая угроза со стороны калмыков, которые совершили ряд набегов на них, но и общее недовольство политикой русских властей, которые к тому же не смогли оказать ногайцам действенную помощь в отражении калмыцких нападений, и постоянные конфликты с населением

Астрахани. «Именно с двадцатилетними унижениями и оскорблениями от русских соседей и были во многом связаны как переселение ногаев, – отмечает В.В. Трепавлов, – так и их упорные отказы вернуться на левый берег» Волги (Трепавлов, 2002, стр. 408).

Исход ногайцев из Поволжья выявил серьезные недостатки в системе управления этой пограничной территорией. Но царские власти не собирались терять подданных, поэтому во второй трети XVII в. вновь назначенные астраханские воеводы прилагают энергичные усилия к тому, чтобы собрать под Астраханью представителей Большой Ногайской орды. Царские указы давали астраханским властям широкие полномочия по ведению переговоров с ногайскими мурзами. Им гарантировалось прощение и забвение всех прегрешений со стороны царя в случае принесения повинной, выдачи аманатов и возвращения на прежние кочевья на Нижней Волге. Мурзам была предусмотрена выдача традиционного царского жалованья, для содержания улусов в районе Астрахани выделялись земли и рыболовные угодья, которые мурзы могли сами выбрать из числа свободных территорий. Переговоры увенчались успехом. В 1640 г. многие представители ногайской знати согласились вернуться в российское подданство. При этом часть ногайских мурз во главе с Салтанашем Аксак-Кельмаметевым выговорила для себя условие, что они будут проживать «меж Астрахани и Терка» в бассейне реки Кумы на Северном Кавказе. Численность астраханско-терской, как ее именует В.В. Трепавлов, группировки ногайцев во главе с мурзами Тинмамметевыми и Иштерековыми в данный период составляла около шести тысяч человек (Трепавлов, 2002, стр. 427).

В 1641 г. к улусам Салтанаша Аксак-Кельмаметева на Северном Кавказе присоединилась большая группа ногаев из числа тех, что пришли к Астрахани под руководством кейкувата Янмаммета Тинмамметева. В их числе были родной брат кейкувата мурза Чубар-Мамет Тинмамметев и другие, «и учили те изменники... кочевать с Салтанаш мурзою Аксаковым, – констатировали астраханские власти, – от Астрахани в дву неделях, у Пяти гор» (АИ, 1894, стр. 77-79).

Путем дальнейших переговоров астраханским воеводам удалось убедить Салтанаша-мурзу вернуться в Нижнее Поволжье, но его дядя мурза Чубар-Мамет Тинмамметев откочевал «к Крымскому царю под Азов». В дальнейшем воевода Ф. Телятевский уговорил ногайских мурз, прикочевавших к Астрахани, перейти со своими улусами на левобережную часть Волги. Для этого он помирил их с джетисанскими мурзами Урусовыми и Тинбаевыми. Вскоре к Астрахани вернулись из крымских владений родной брат Салтанаша-мурзы Салтаналы-мурза, а также дети мурзы Чубар-Мамета Тинмамметева и другие мурзы, «а с

ними улусных людей с тысячу». Оказалось, что их «отгромили» Малые ногаи, захватив у них жен, детей и скот.

Начавшийся процесс постепенного возвращения на Нижнюю Волгу ногайских улусов был прерван в 1643 г. новым масштабным калмыцким вторжением, в результате которого ногайцы вновь были разобщены. Часть их улусов вынуждена была присоединиться к калмыкам, другие спаслись бегством на Северный Кавказ. С большим трудом часть Больших ногаев удалось после этого вернуть к Волге. Астраханские воеводы смогли также добиться освобождения и возвращения улусных людей Салтаналы-мурзы Аксак-Кельмаметева и других мурз, захваченных Малыми ногаями (АИ, 1894, стр. 82-86).

Во второй половине 1640-х гг. ногайцы во главе с кейкуватом Янмамем Тинмамметевым стали кочевать в Мочагах на правобережной (крымской) стороне Волги «от Астарахани во днище и в дву и больши». Другая большая группа ногаев под предводительством мурз Би и Чебана Иштерековых, Карасаина и Каракася Яштерековых стала кочевать «от Астарахани в дальних местах, под Терком» (АИ, 1894, стр. 94). Данное разделение заметно ослабило и без того серьезно подорванные междоусобицами силы Больших ногаев. Их отдельные улусные группы, концентрировавшиеся вокруг влиятельных фигур ногайского общества, в дальнейшем стали самостоятельно определять пути своего развития, которые все дальше отделяли некоторых из них от Нижнего Поволжья.

Методология исследования

В историографии данная тема не получила всестороннего освещения. Ее кратко затрагивал С.М. Соловьев в контексте русско-грузинских отношений XVII в., касаясь претензий российской стороны к персидским властям за прием «русских изменников» и оказание им помощи, высказанных в рамках посольства в Персию в 1653 г. окольничего князя И. Лобанова-Ростовского и стольника И. Комынина. Под этими изменниками российскими дипломатами понимался ногайский Чебан-мурза Иштереков, который откочевал от Астрахани на Терек с другими мурзами и «учинился царскому величеству непослушен». С.М. Соловьев приводит краткий рассказ русских послов о действиях Чебана-мурзы, поддержке его со стороны тарковского шамхала Сурхая, военных действиях кумыкских владельцев против русских сил на Кавказе, участию в пограничном конфликте на стороне кумыков персидских отрядов из Шемахи и Дербента, в результате чего был разрушен Сунженский острог (Соловьев, 1991, стр. 540-541).

Е. Зевакин обращался к данной теме в контексте русско-персидского конфликта середины XVII в. Он упоминает о походе в 1651 г. астраханских и терских сил на улус ногайского Чебана-мурзы, дает оценку действиям тарковского шамхала Сурхая, открыто выступившего на стороне ногайцев против царских войск, характеризуя их как измену русскому царю. Однако автор больше концентрирует внимание на роли в событиях середины XVII в. на Кавказе шемахинского хана Хосрова (Зевакин, 1929, стр. 24-31).

А.А. Новосельский исследовал указанную тему в широком контексте русско-татарских отношений, под которыми автор подразумевал взаимоотношения Московского государства с крымскими татарами, а также ногайцами в XVII в. Он приводит большое количество фактического материала, характеризующего обстановку в Поволжье и на Северном Кавказе в 50-70-е гг. XVII в. При этом подробно останавливается на характеристике отдельных этапов взаимоотношений русских властей и ногайцев (Новосельский, 1994, стр. 46-55). Однако автор не воспользовался в полной мере доступным ему архивным материалом, основной упор на изучение и использование которого он сделал, к тому же не стал привлекать опубликованные источники. В результате им были упущены многие важные подробности происходящих событий.

Из современных исследований, рассматривающих события на Кавказе в середине XVII в., можно выделить работу И. Бабулина. Автор критически проанализировал труды своих предшественников, широко использовал опубликованные источники, но не привлекал новые архивные материалы, чем, безусловно, ограничил свои возможности в раскрытии данной темы. Так, рассматривая предпосылки русско-иранского конфликта 1651-1653 гг., автор анализирует политическую позицию тарковского шамхала Сурхая, отмечая, что своим приходом к власти он был обязан персидскому шаху. Затрагивает И. Бабулин и ногайский фактор. Он связывает появление в пределах кумыкских владений ногайцев, откочевавших из астраханских степей, с политикой тарковского шамхала, который, как считает автор, привлекал их на свою сторону «стремясь к усилению своего феодального войска» (Бабулин, 2006, стр. 6-33). В этом контексте русско-кумыкские политические взаимоотношения, тесно связанные с политикой России в отношении Больших ногаев, автор не рассматривает.

Анализ историографии показывает, что целый ряд важных аспектов в истории отношений России с народами на Северном Кавказе в середине XVII в. не были учтены исследователями. Не получила, в частности, должной оценки политическая позиция

тарковского шамхала и других кумыкских владельцев в отношении России, четко обозначившаяся в событиях середины XVII в. Не выявлены причины миграции в район Терека и дальнейшей судьбы Больших ногаев. Не раскрыты детали похода царских войск в 1651 г. против ногайцев мурз Иштерековых. Все эти аспекты делают данную тему весьма актуальной, для изучения которой требуется привлечение первоисточников, как опубликованных, так и архивных.

Формирование на Тереке ногайской улусной группы

В середине XVII в. между обеими группами ногайцев, кочевавших на Нижней Волге и в районе Терека, установились враждебные отношения. В 1646 г. значительные силы ногайцев и астраханских юртовских татар были задействованы в походе русских воинских сил на Азов под началом князя С.Р. Пожарского (Торопицын, 2016, стр. 123-131). Чебан-мурза Иштереков решил воспользоваться этим обстоятельством, объединился с казыевским (из Малых ногаев) мурзой Девоем и приходил на оставшиеся в Нижнем Поволжье ногайские улусы «войною многожды», захватив большую добычу. Кроме того, ногайцы Чебана-мурзы «сложась с мурзами Малого Ногаю» напали среди ночи на отряд кабардинцев под началом князей Черкасских, направлявшийся для соединения с русским войском под началом князя С.Р. Пожарского, и отогнали у них всех лошадей. Из-за этого ограбленные кабардинцы не смогли поучаствовать в походе царских войск на Азов (КРО, 1957, стр. 272-273).

В ответ на эти нападения ногайцы кейкувата Янмамета Тинмаметева во главе с его сыном Ямгурчеем совершили поход на Терек на улусы мурз Иштерековым и Яштерековых, «и был де у них бой, – сообщалось в отписке астраханских воевод в Москву, – и на бою на обе стороны побиты улусные многие люди». В сражении погибли сын кейкувата Янмамета Тинмаметева Ян-мурза, при этом у мурз Иштерековых их противниками были отогнаны конские табуны (около тысячи лошадей). Особо отличились в этом конфликте астраханские юртовские татары, выступившие на стороне сил кейкувата Янмамета Тинмаметева. По сведениям мурзы Шатемира Иштерекова, в нападении на их улусы участвовало пятьсот юртовских и кирпичных татар разных мурз, улусов и табунов, в частности, люди табунного головы Келимбета Ромазанова и Садея Акимбетова. Несмотря на запрет участвовать в междоусобных ногайских столкновениях, юртовские татары «Государева указу не послушались, на их Иштерековых детей улусы войною с Нагайским Кейкуватом

Янмамет мурзою и с его детьми ходили, и улусы их разорили, и многие их лошади к себе в улусы пригнали».

Попытки астраханских воевод взыскать пограбленное имущество с юртовских татар не увенчались успехом. Посланный к ним юртовский голова Е. Арсентьев рассказал по возвращении, что юртовские и кирпичные мурзы и табунные головы «тех Татар, которые с Кейкуватом и с детьми его ходили на Иштерековых детей войною, в улусех у себя не сказывают и их ухоранивают, а сказывают, будто они поехали из улусов для своих нужд». Поиск по клеймам (тамгам) захваченных лошадей выявил их владельцев, но они утверждали, что купили их на базаре в Астрахани. Вызванный к воеводам для объяснений Ямгурчей-мурза Тинмамметев не отрицал своего участия в набеге на ногайских мурз, кочевавших на Тереке, но объяснил свои действия необходимостью отомстить мурзам Иштерековым и Яштерековым за их неоднократные нападения на своих людей. Дальнейшие поиски лошадей для возвращения их ногайским мурзам на Терек Ямгурчей-мурза намерен был признать за «большое оскорбление». Позиция мурз Тинмамметевых вынудила астраханских воевод отказаться от разбирательства, «чтоб меж их болшия ссоры не учинить» (АИ, 1894, стр. 94-96).

Астраханские власти предприняли шаги к тому, чтобы примирить враждующих ногайских мурз, но не преуспели в этом. В 1649 г. воевода Ф.С. Куракин докладывал в Москву, что ссоры между ногайцами не прекращаются, что инициатором их являются мурзы, кочующие на Тереке, которые совместно с Малыми ногаями посылали своих людей на мурз Тинмамметевых, «и их громили и лошади и животину отогнали многую». Кейкуват Янмамет потребовал от астраханских властей организовать совместный поход на своих противников, обосновавшихся на Тереке, но те отказали ему, сославшись на отсутствие царского указа. Тогда мурзы Тинмамметевы «не истерпя его Чебан мурзы разоренья и обид, пошли на него Чебан мурзу с своими улусными людьми войною». Из Астрахани воеводы посылали к ним посланца с требованием возвратиться обратно, чтобы они своими действиями Чебана-мурзу Иштерекова «от Государские милости не отогнали», но Янмамет-мурза и сыном Ямгурчеем не отказались от своих замыслов мести.

Чебан-мурза, к слову, не был застигнут врасплох. Он отсиделился от нападавших людей мурз Тинмамметевых «в тележном городке» в осаде, а табуны лошадей и скот до их прихода отогнал в «крепкие места». Ногайцы мурз Тинмамметевых стояли под «городком», где укрылся Чебан-мурза, десять дней, после чего вернулись обратно «под Астарахань на прежние свои кочевья», а Чебан-мурза Иштереков со

своими улусами отошел «к морю» в дальние кочевья и стал кочевать по реке Куме. Вернувшийся от Чебана-мурзы сын боярский В. Усов рассказал, что тот не отказывается от своей присяги царю, но боится возвращаться к Астрахани из-за вражды с мурзами Тинмаметевыми. При этом Чебан-мурза отверг предложение вернуть скот, захваченный ранее у ногайцев на Волге. Несмотря на непримиримость позиций участников междоусобного ногайского конфликта, в Москве считали, что шанс уладить конфликт есть. Его участникам необходимо помириться, «и кто что у кого поимал, то б друг другу отдали назад и за те убитые головы меж собою разделались полюбовно» (АИ, 1894, стр. 97-98).

Тем временем у терских воевод родился свой план, как претворить в жизнь царский замысел о примирении враждующих сторон. Он заключался в том, чтобы разобщить силы ногайцев на Тереке и по отдельности перевести их улусы на Нижнюю Волгу. Воевода князь В. Оболенский писал в Астрахань, чтобы воеводы направили на Терек «по челобитью Аксаина мурзы Би-мурзина сына Ищерекова» мурзу Тударыка («Дударыка») с астраханскими ратными людьми. Расчет делался на то, что ногайцы из улуса Би-мурзы Иштерекова, ранее ушедшие на Северный Кавказ к Чебану-мурзе, узнав о том, что против них направляются войска из Астрахани, отстанут от Чебана-мурзы и придут к Тударыку-мурзе и «ко Государевым ратным людям». В свою очередь Аксаин-мурза Иштереков начнет уговаривать самого Чебана-мурзу вернуться к Астрахани. Если уговоры не помогут, то Чебана-мурзу силами астраханских ратных людей можно будет перевести к Астрахани и «вневолю». Терский воевода просил организовать экспедицию по возвращению ногайцев с Северного Кавказа на Нижнюю Волгу как можно скорее, «покаместа Чебан мурза с своими людьми кочует за тремя реками в тесных местех, и им де вскоре уйти будет некуда». В случае если Чебан-мурза перейдет с улусами из-под Тарков на Черкасскую сторону, то воевода В. Оболенский подчеркивал, что он «в нем де чаёт всякого дурна» (АИ, 1894, стр. 99).

Однако астраханские воеводы не решились самостоятельно организовать военный поход против ногайцев Чебана-мурзы Иштерекова. «Послать де немногих людей опасно, – рассуждали в Астрахани, – чтоб Татаровя Дударыка мурзу заводным делом не отняли и Государевых людей не побили; а многих ратных людей послать, и в Государеве де отчине в Астрахани, за малолюдством, от Калмыцких людей опасно. А только б де Дударыка мурзу и послать на Терек, и Би-мурзины улусные люди чаять его не послушают и к ним на Терек на придут». Астраханские воеводы решили, что Аксаин-

мурза Иштереков приезжал к терским властям с таким предложением для того, чтобы выманить с Нижнего Поволжья Тударыка-мурзу, так как он и раньше заявлял о своем намерении идти кочевать к Астрахани, но не исполнил своих обещаний. К тому же их насторожила информация, поступившая от юртовского табунного головы Келимбета Ромазанова, которой сообщил о переговорах Чебана-мурзы с персидскими властями. Приезжавшие с Терека татары рассказывали астраханскому табунному голове, что Чебан-мурза Иштереков намерен перейти в подданство к персидскому шаху, что он стал кочевать по соседству с владениями тарковского шамхала, «а Сухрай де шевкал, – подчеркнул Келимбет Ромазанов, – в послушанье у Кизылбашского Шаха» (АИ, 1894, стр. 99).

Воеводам и раньше поступала информация о том, что тарковский шамхал нападает на российских подданных. В сентябре 1648 г. в Терскую крепость поступили сведения о готовящемся нападении Сурхая на Андреевскую деревню вместе с «кумыцкими и кизылбашскими ратными людьми». Терский воевода князь В.А. Оболенский направил в Тарки послание, призывавшее «Суркай-шевкала» отказаться от планов нападения на андреевского мурзу Казаналпа, «потому что он, Казаналп, ... государев холоп и аманаты ево в Терском городе есть». Но, несмотря на это предостережение, шамхал Сурхай в октябре того же года напал на кабардинцев: «с ратными людьми пришел изгоном на Казыя-мурзу Мундарова и его, Казыя-мурзу, убил». Терские воеводы вновь были вынуждены высказать владельцу Тарков крайнее неудовольствие этим поступком, подчеркнув, что «то он, шевкал, учинил дурно». Они потребовали, чтобы он «на черкасских и на кумытцких мурз ни на ково не ходил, и их не разорял, и сам за то от... государьские милости не отбыл». Но тарковский владелец, видимо, не считал кабардинского князя российским подданным, так как подчеркнул в ответном письме, что он «государеву указу не ослушен и на твоих государевых послушников войною ни на ково не идет», а убийство кабардинского князя Казыя Мундарова объяснил тем, что был с ним в «недружбе» (КРО, 1957, стр. 299). Данный факт достаточно красноречиво характеризует политическую ориентацию тарковского шамхала, который поддерживал отношения и с Россией, и с Персией, но при этом не считал себя связанным какими-либо обязательствами перед обеими сторонами.

Идея агитации ногойских мурз к возвращению в Нижнее Поволжье астраханским воеводам понравилась. Они направили к Чебану-мурзе для переговоров сына боярского Д. Ефимова, а к мурзам Аксаину и к Карасаину «писали особно, чтоб они от Государевы

высокие руки были неотступны, и Чебану б мурзе о том они говорили, и шли б ко Государеве отчине к Астарахани, и с Тинмаметевыми б помирились». С таким же посланием к Чебану-мурзе обратился и Бимурза Иштереков. При этом астраханские воеводы поручили сыну боярскому Д. Ефимову, направленному в ногайские улусы на Терек, «проведывать всякими мерами накрепко, тайно» о переговорах Чебана-мурзы с персидскими властями. Особое внимание рекомендовано было обращать на информацию об обмене подарками между ногайскими мурзами и шемахинским ханом. По их характеру можно было свидетельствовать как о самом факте переговоров, так и о его возможных результатах (АИ, 1894, стр. 99-100).

В марте 1649 г. Чебан-мурза прислал в Астрахань своего посланца О. Токузова, которому поручил сообщить воеводам о местопребывании своих улусов на Северном Кавказе и намерении перейти текущей весной с реки Койсы на Нижнюю Волгу «в Мочаки, на урочище Белый остров». Ногайский мурза заверил астраханских властей в своей преданности царю, а нахождение своих улусов на Северном Кавказе объяснил опасением прихода ни них калмыков и своих противников из числа ногайцев, джетисанцев и юртовцев, «потому что де они в прошлом году, летом, приходили на них войною и в осаде он Чебан мурза от них сидел». Его посланец О. Токузов рассказал также о попытке Чебана-мурзы самостоятельно помириться с мурзами Тинмаметевыми, но Ямгурчей-мурза, которому был адресован «лист», отверг любые предложения на этот предмет: «лист его изодрал, а к нему (Чебану-мурзе. – И.В.) приказывал с угрозою, что ему де с ними не мириваться, а недружбу свою мстить им хочет войною». Факт очередного нападения своих улусных людей на ногайские улусы на Нижней Волге, имевший место зимой 1648-1649 гг., Чебан-мурза не отрицал, но объяснял его тем, что его люди «приходили под Астрахань на Татарские конские и животинные табуны... тайно, без его Чебана ведома», хотя мурза им и запрещал это, но, по его словам, улусные люди «его не слушают, ходят самовольством, утаясь» (АИ, 1894, стр. 100-101).

Подобные объяснения и заверения ногайских мурз власти в Астрахани слышали уже не раз, поэтому, видимо, не особо им верили. Их гораздо больше интересовали переговоры Чебана-мурзы с персидскими властями и разными горскими владельцами. «И они де боярин и воеводы того Чебанова татарина допрашивали: к Тарковскому Суркай шевкалу, и к Ондреевскому Казаналпу, и в Шахову область Чебан мурза для каких дел людей своих посылал ли?» О. Токузов рассказал, что Чебан-мурза действительно перешел через реку Терек и посылал посланцев к тарковскому шамхалу и

андреевскому владельцу Казаналпу с уведомлением, что их улусы вынужденно заняли новые территории, «боясь на себя приходу Калмыцких людей и недругов своих Астараханских мурз и Татар», и просил не совершать против ногайцев враждебных действий. С целью убедить кумыков в своих миролюбивых намерениях Чебан-мурза, по словам О. Токузова, «сговорил» выдать свою дочь замуж на сына тарковского шамхала. Направление ногайских посланцев в Персию О. Токузов отрицал (АИ, 1894, стр. 101).

Факты, полученные астраханскими воеводами, свидетельствовали, что ногайцы Чебана-мурзы продолжали считать себя российскими подданными, но при этом самостоятельно выстраивали отношения с народами, проживавшими на Северном Кавказе, не имея возможности примириться с соплеменниками, обитавшими на Нижней Волге и опасаясь нападений с их стороны. Формально Чебан-мурза контактами с кумыками не нарушал своей присяги царю, так как кумыкские владельцы также считались русскими подданными. Тарковский шамхал Сурхай и андреевский мурза Казаналп Салтамамутов выдавали в знак верности России аманатов в Терскую крепость. Данный социально-политический институт получил широкое применение в XVII в. во взаимоотношениях российских властей с разными народами (Торопицын, 2004, стр. 9-15; Торопицын, 2007, стр. 59-61).

Правда, преданность кумыкской знати была во многом условной, так как их людей нередко обвиняли в убийствах и захвате пленных из числа русских подданных. Как отмечали сами терские жители (стрельцы, казаки, окочены, юртовские татары и другие), кумыкские мурзы чувствовали свою безнаказанность потому, что выдавали в аманаты детей «не от прямых жен, а в дядьках с ними присылают холопей, а не родственных людей и не узденей, и в том де от них Кумыцких владельцев им Терского города Государевым людям чинится обида и теснота большая, и аманатов де они своих отступаются, не переменяют лет по десяти и болша, потому что де они им не дороги, что дети их не прямых жон». Осознание этого факта пришло к русским властям летом 1651 г. Астраханские воеводы направили на Терек астраханского стрелецкого голову Н. Волкова с поручением взять новых аманатов, «чтоб Суркай шевкал и Казаналп мурза тех своих аманатов впредь не отступились, и Терским бы всяких чинов людям, за теми аманаты, убийства и грабежу и полонного взятья и никакого дурна и умышленья им от них не было» (АИ, 1894, стр.160-161).

Тем временем улусы Чебана-мурзы Иштерекова и других мурз Большого ногая стали серьезно дестабилизировать обстановку на

Северном Кавказе. В 1649 г. ногайцы, кочуя вблизи казачьих городков по Тереку, «многих казаков побили и жен их и детей в полон поимали... и животину лошади и коровы их казачью ис подо многих городков отгоняют безпрестанно...». В свою очередь казаки напали на улус Карасаина-мурзы Яштерекова, в котором захватили его жену, несколько десятков пленных и скот. Впоследствии казаки вернули жену Карасаину-мурзе Яштерекову «без окупу», но скот возвратить отказались. После этого мурзы Иштерековы и Яштерековы объединились и попытались взять штурмом казачий городок Сарафанников, но казаки отбились. Нападению ногайцев подвергались и стрельцы. Люди Чебана-мурзы нападали на их заставы и на «промысловых» людей, угоняли лошадей. Мурзы Яштерековы – Зорум Шигимов и Тоган Карасаинов весной 1649 г. приходили во главе своих людей под Астрахань для отгона лошадей у местных жителей (Новосельский, 1994, стр. 47-48; Козлов, 2002, стр. 122-123).

Астраханские власти решили задействовать в переговорах с ногайскими мурзами, кочевавшими на Северном Кавказе, их родственников, оставшихся в Нижнем Поволжье. Летом 1649 г. на Терек был направлен Би-мурза Иштереков, который при посредничестве князя М.С. Черкасского провел в июне-сентябре переговоры с ногайскими мурзами. Ему удалось договориться с Аксаином и Шатемиром Иштерековыми и Карасаином и Каракасаином Яштерековыми о возвращении их со своими улусами под Астрахань. На фоне этих переговоров Чебан-мурза Иштереков демонстративно откочевал во владения тарковского шамхала, «побивая и беря в полон русских ратных людей» (Новосельский, 1994, стр. 48).

В конце осени 1649 г. в переговоры с ногайцами вступили калмыцкие тайши, которые предприняли попытку уговорить Чебана-мурзу Иштерекова присоединиться к их улусам. Калмыцкие владельцы отправили на Терек посольство в сопровождении отряда из 200 калмыков и 300 ногайцев из числа тех, что перешли под их власть. В пути этот отряд вступил в бой с терскими станичниками (Тепкеев, 2012, стр. 190-191). Результаты этого посольства остались неизвестны, но не исключено, что столкновение у Белого озера с российскими подданными могло повлиять на итог калмыцкой посольской миссии.

В условиях военно-политической активности калмыков русские власти направили в сентябре 1649 г. к ним в улусы посольство И.И. Онучина, целью которого были переговоры о судьбе пленных. В ходе них выяснилась позиция калмыцких владельцев в отношении ногайцев. Тайша Дайчин объявил захваченных ногайцев калмыцкими холопами, которые отныне будут кочевать вместе с ними в междуречье Волги и Яика (Тепкеев, 2012, стр. 198-205). В Москве и

Астрахани вынуждены были учитывать эту реальность. В наказе новым астраханским воеводам М.П. Пронскому и Т.Ф. Бутурлину, данном летом 1650 г., указывалось, чтобы Чебана-мурзу с улусными людьми на прежние кочевья под Астрахань не призывать до тех пор, «покаместа Калмыцкие тайши с улусы своими из-под Астархани, из ближних мест отойдут в прежние далные места свои кочевья за Яик реку». Из Москвы астраханским воеводам приказали послать к ногайским мурзам на Терек посланца с объявлением, что им разрешается временно кочевать в бассейне Терека с выдачей аманатов в Терский городок, «чтоб им от Калмыцких людей какого дурна не учинилось». Переговоры с ногайскими мурзами, остававшимися на Северном Кавказе, астраханским воеводам рекомендовалось возобновить только после ухода калмыков из низовьев Волги. Задача ставилась все та же – вернуть ногайцев на Нижнюю Волгу. При этом подключать к переговорному процессу с Чебаном-мурзой мурз Иштерековых (Би-мурзу и Тударыка-мурзу) Москва категорически запретила. Их по-прежнему приказано было держать в Астрахани на аманатном дворе «с великим береженьем» и никуда не выпускать из Астрахани «без Государеву указу» (АИ, 1894, стр. 129-130).

Для дальнейших переговоров с Чебаном-мурзой об условиях выдачи аманатов и кочевания у Терского городка в конце 1650 г. был направлен из Астрахани И. Доможиров с переводчиком В. Зиновьевским, но они оказались в улусах мурз Иштерековых фактически на положении заложников (Новосельский, 1994, стр. 50-52).

Борьба российских властей за возвращение мурз Большого нагая в Нижнее Поволжье

Зимой 1650-1651 гг. российские власти решились перейти от переговорного процесса к более активным действиям. В начале 1651 г. состоялся поход царских сил против мурз Большого нагая, обосновавшихся на Тереке. Целью похода провозглашалась защита российских владений от «приходу крымских людей и для обереганья нагайского Чебан мурзы Ищерекова с братьями и с племянниками и их улусных людей и чтоб они ис под государевой высокой руки перешед Терек реку в Крым и в Казыевские улусы не ушли». По всей видимости, российские власти полагали, что основная угроза политической ситуации на Северном Кавказе в связи с присутствием там части Больших ногаев исходит от Крыма, а не Персии. Чебану-мурзе Иштерекову российские власти вменяли в вину то, что он «государю учинился непослушен, аманатов на Терек не дал и шерти не подкрепил».

Примечательно, что подобных претензий не выдвигалось в адрес мурз Яштерековых. По всей видимости, это могло быть связано с тем, что к этому времени между мурзами Иштерековыми и Яштерековыми произошел разрыв отношений. Как установил А.А. Новосельский, осенью 1650 г. Чебан-мурза выгнал мурз Карасаина и Каракасаина Яштерековых из своих улусов, а их мать, жен и детей отослал под Астрахань. В этих условиях российские власти могли не опасаться враждебных действий со стороны мурз Яштерековых. Но в отношении Чебана-мурзы упорно ходили слухи, что он намерен откочевать в Крым (Новосельский, 1994, стр. 50).

Астраханские воеводы решили направить в поход стрельцов и тюркских подданных. На Северный Кавказ выступили стрелецкий голова Б. Ермолов во главе своего приказа (3 сотника, 500 стрельцов), а также 1100 ногайцев, джетисанцев и юртовцев под началом мурз Яныбека Тинмаметева, Янмамета Янаева и юртовского табунного головы Келимбета Ромазанова. На Северном Кавказе они должны были действовать совместно с терской ратью под началом князя М.С. Черкасского, основу которой составили терские и черкасские мурзы со своими узденями и улусными людьми.

События, непосредственно связанные с походом на Чебана-мурзу Иштерекова, в историографии описываются весьма фрагментарно, авторы опускают многие важные детали, поэтому архивные источники позволяют существенно дополнить картину происходивших событий.

Так, 3 января 1651 г. астраханская рать перешла реку Терек и соединилась с силами князя М.С. Черкасского. В ночь на 6 января в объединенный лагерь царских войск на реке Яманшта прибыл Карасаин-мурза Яштереков, сообщивший, что Чебан-мурза со своими людьми перешел реку Койсу и расположился на Аксайской степи недалеко от Тарков. В ту же ночь к Чебану-мурзе Иштерекову ушел из лагеря татарин черкасского мурзы Бислана, «и уведав про того беглеца», царские войска сняли лагерь и спешно «пошли на Чебана мурзу». Вечером 8 января они подошли к реке Койсе. Чебан-мурза, в свою очередь, решил перевести свои улусы ближе к Таркам «в перекопь», а сам во главе полусотни воинов со знаменем появился на виду у царских сил на противоположной стороне реки Койсы. Против его отряда сразу же выехали «государевы ратные небольшие люди», которые «перелезли» через реку Койсу, и между противниками завязался бой. Люди Чебана-мурзы стреляли из луков и пищалей «и государевы ратные люди с ними бились». Вскоре ногайцы отступили, «а больших государевых ратных людей за Койсу пустить не смели, —

отмечал стрелецкий голова Б. Ермолов, – потому что стала ночь» (РГАДА, лл. 26-29).

9 января за два часа до рассвета из царского лагеря были пущены за реку Койсу «в разгон» на «Чебановы улусы», которые не успели уйти «за перекоп», отряды прибывших из Астрахани мурз Яныбека Тинмаметева, Янмамета Янаева. Вместе с ними направились в набег люди мурз Карасаина, Каракалая и Урака Яштерековых, которые присоединились к царскому войску, отстав от улусов Чебан-мурзы Иштерекова. В общей сложности эти отряды включали 600 человек. С ними пошли в набег уздени и улусные люди князя М.С. Черкасского, с которыми были посланы два стрелецких сотника: А. Остриков и Ф. Никитин. Этим силам удалось захватить солидную добычу – 15 тысяч голов скота, а также 1000 «дымов» улусных людей. При этом нападавшие «побили и взяли в плен» 300 ногайцев из улусов мурз Иштерековых. Пленных впоследствии привели в Терскую крепость. Остальные силы царской рати под началом стрелецкого головы Б. Ермолова и сына князя М.С. Черкасского, а также юртовские татары под началом табунного головы Келимбета Ромазанова и кумыки во главе с Казаналпом Салтамамутовым оставались все это время на противоположной стороне реки Койсы в нескольких верстах «от тарковской перекопи». Принять участие в захвате улусов мурз Иштерековых им не позволила погода – «было ненастье большое и дождь и снегом ружье у государевых ратных людей замело». В этих условиях идти в наступление было рискованно, отмечал в донесении Б. Ермолов, «государевым бы людям учинилась поруха большая и урон ратный, если бы пошли большим нестроением за ясырем и за животиною, где был мурза с братьями и с улусными своими людьми сидел в перекопи» (РГАДА, лл. 29-30).

Все это время, подчеркнул стрелецкий голова, тарковский шамхал стоял со своими людьми «в перекопи заставою». Царские военачальники вступили с ним в переговоры, направив ему «лист за печатью царства астраханского». Сурхай затянул переговоры на несколько дней, сославшись на отсутствие у него переводчика. В итоге заявил через своего посланца, что Чебан-мурза Иштереков готов дать аманатов, если из Астрахани отпустят Тударыка-мурзу и жен и детей Би-мурзы Иштерекова и передадут их Чебану-мурзе. Тогда он даст в аманаты своего старшего сына, а также сыновей других мурз Аксаина и Шатемира. А если на ногайцев мурз Иштерековых придут «войною» войска из Астрахани или Терков, то тарковский шамхал «за него Чебана мурзу битца с государевыми людьми станет» и не выдаст его, так как он стал его кунаком. При этом посланец Сурхая передал,

что у шамхала есть приказ от персидского шаха «за него стоять и в обиду его никому не давать» (РГАДА, л. 31).

Объясняя впоследствии российским воеводам свои действия, шамхал писал, что Чебан-мурза убежал на Северный Кавказ, спасаясь от калмыков, «и к нам в Кумыки приехав конаком учинился..., а мы Кумыки искони, от отцов своих, конаков имеем и бережем». Сурхай объяснил, что вынужден был принять ногайцев, так как им негде было жить («тем Нагайцом в Черкасах и в Крыму и в Азове и в Руси места не нет»). Кумыкский владелец утверждал, что даже оказал содействие русским властям и по просьбе терских служилых людей отправил со своим человеком Байрамалыем в Терский городок сына Чебана-мурзы в качества аманата. Но в пути («на половине дороги») они стали свидетелями сражения терской рати с ногайцами, «и тот сын назад убегом прибежал» (АИ, 1894, стр. 162-163).

В конце января царские войска были вынуждены отступить от тарковской «перекопи», но российские власти не отказались от своих планов. К началу февраля все было готово для продолжения похода. Отряд стрелецкого головы Б. Ермолова соединился 13 февраля в районе Царского брода на Северном Кавказе с отрядами стрелецких голов Т. Огибалова и П. Веревкина, направленных из Астрахани на Северный Кавказ. Вместе с ними в тот же день руководители похода направили к андреевскому владельцу Казаналпу Салтамамутову стрелецкого сотника А. Голочалова с «листом татарским письмом за печатью царства астраханского» с призывом идти в поход на улусы Чебана-мурзы Иштерекова. 14 февраля войско достигло реки Аксай. В ту же ночь вернулся сотник А. Голочалов с узденем Салтабагамутом от андреевского владельца, который передал, что Чебан-мурза кочует со своими людьми по реке Койсе и не знает «про приход государевых ратных людей». Мурза Казаналп заверил в готовности присоединиться к походу на ногайцев (РГАДА, л. 33).

15 февраля 1651 г. в Терской крепости были получены сведения от двух астраханских татар, направленных с И. Доможировым в ногайские улусы. Они сообщили, в частности, что ногайцы мурз Иштерековых стали испытывать голод. Чебан-мурза, по их словам, повел своих людей к реке Койсе по кумыкской стороне, а мурзы Аксаин и Шатемир остались в районе Тарков «за перекопью». Разделение сил мурз Иштерековых создавало хорошие предпосылки для захвата ногайских улусов поодиночке. Воеводы решили воспользоваться моментом. Основной удар решено было нанести по улусам Чебана-мурзы Иштерекова. Подойдя 15 февраля к «перекопи», стрелецкие головы выяснили, что Чебан-мурза успел увести своих людей к тарковскому шамхалу за три дня до их прихода. Но им

удалось застигнуть некоторые ногайские улусы «по сю сторону перекопи». Уточнить точное количество захваченного ясыря и скота не представлялось возможным, отмечал Б. Ермолов, так как их «потасили в рознь» кумыки мурзы Казаналпа Салтамамутова, астраханские и терские татары, черкесы и окочены. При этом были «побиты» около 60 ногайцев (РГАДА, лл. 47, 50-51).

Очередное нападение царских сил на ногайцев вынудило тарковского шамхала перейти от дипломатии к более активным действиям. Сурхай не стал отсиживаться в обороне, а «выехав с иными кумыцкими мурзами и с уздени», вступил в бой с «государевыми людьми». В результате произошедшего сражения царские войска, потеряв 15 стрельцов и знаменосца со знаменем, были вынуждены отойти, так как «без государева указа битца с шевкалом не смели» (РГАДА, л. 51). Данный факт со всей очевидностью показывает, каким на самом деле было отношение в России к тарковскому шамхалу, владения которого находились в пограничной области на Северном Кавказе. Если бы его считали в России подданным царя, то непременно наказали бы за вооруженное сопротивление. Однако воевать с ним царские войска не имели права без особого приказа из Москвы. Это говорит о том, что статус тарковского шамхала отличался от статуса обычных российских подданных.

Весной 1651 г. начинается постепенный процесс возвращения ногайских мурз, укrywшиеся в 1640-х гг. на Северном Кавказе. 13 марта в Астрахань вернулся Карасаин-мурза Яштереков с группой из 22 улусных людей. Его племянник Урак-мурза Шигимов остался в Андреевской деревне дожидаться возможности вернуть улусных людей, захваченных Чебаном-мурзой Иштерековым (Новосельский, 1994, стр. 54). В свою очередь мурзы Иштерековы, улусы которых дважды в течение зимы подверглись нападениям со стороны царских войск, вынуждены были уступить давлению российских властей. Астраханский воевода князь М.И. Пронский доложил в Москву, что получил 21 апреля с Терека донесение, что ногайские мурзы Чебан и Шатемир Иштерековы «вину свою тебе государю принесли и аманатов в Терский город» дали, а сами прикочевали к Терскому городку.

Первоначально Чебан-мурза хотел расположить свои улусы на астраханской стороне реки Терек, но местные воеводы и князь М.С. Черкасский не разрешили ему этого сделать. Спустя десять дней в ногайских улусах распространились слухи, которые сеяли люди, приехавшие из улусов князя М.С. Черкасского, что на них идут войною «астраханские ратные люди». Под воздействием этих слухов Чебан-мурза и Шатемир-мурза откочевали из-под Терского городка по

кумыкской стороне в сторону реки Аксай. Чебан-мурза направил в Терки своего человека для выяснения этой информации. Местные воеводы заверили его, что это ложные слухи. Мурзы Иштерековы успокоились, но остались со своими улусами в районе реки Аксай «на кормовых местах» (РГАДА, лл. 17-18).

Спустя 8 дней к ним приехали посланцы тарковского шамхала, передавшие ногайским мурзам приглашение кочевать в его владениях. При этом Сурхай поделился с ними своими планами, передав, что собирается напасть на Терский городок. Его посланцы предупредили ногайских мурз, что если они добровольно не перейдут в Тарковское шамхальство, то Сурхай «на них войною пойдет». Мурзы Иштерековы не поддались на откровенный шантаж и в целях предосторожности перевели свои улусы на терскую сторону реки Аксай, но это не уберегло их от неприятностей. Спустя три дня шамхал Сурхай во главе войска, состоявшего из кумыков, персов и татар, напал на улусы мурз Иштерековых, захватил жен и детей Чебана-мурзы, а также Шатемира-мурзу со всем его семейством и улусными людьми. Чебан-мурза Иштереков во главе отряда в триста человек ускакал к Терскому городку, а войско тарковского шамхала повело захваченные ногайские улусы под Тарки. К Чебану-мурзе Сурхай направил предложение приехать к нему и дать своего сына в аманаты, но тот заявил тарковскому посланцу, что хочет быть под властью русского царя. Не смирившись с потерей улуса, Чебан-мурза ходил к реке Койсе и взял «украдом» со сто своих дворов и перевел их за реку Терек. Он заключил договор с князем М.С. Черкасским и прислал в Терский городок свою жену и дочь, а сам стал кочевать вблизи Терского городка. После этого Чебан-мурза ходил со своими улусными людьми за реку Койсу и захватил тысячу ногайских дворов, но на обратном пути в районе реки Аксай на него напали Каракасай-мурза Яштереков с кумыками владельца Казаналпа Салтамамутова, которые отбили у него около ста дворов и увели под Андреевскую деревню. С остальными улусными людьми Чебан-мурза дошел до реки Терек и стал кочевать в ближних к городу местах вместе с улусами терских мурз. Вскоре улусы Чебана-мурзы и Шатемира-мурзы воссоединились (РГАДА, лл. 19-20).

К этому времени ногайские мурзы Яштерековы оказались в зависимости от кумыкского владельца Казаналпа Салтамамутова, который удерживал их в Андреевской деревне и собирал принадлежавшие им улусы, которые намеревался отправить в Астрахань. «А ныне де их не отпустит за тем, – писали в Астрахань терские воеводы, – что де Чебан-мурза кочует на Кизларе, и он де их

отпустить не смеет, чтоб от Чебана им погрому не учинилось» (РЧО, 1997, стр. 170).

Летом 1651 г. астраханские воеводы решили осуществить переселение ногайцев с Северного Кавказа в Нижнее Поволжье. 18 июня из Астрахани были посланы на Терек конные стрелецкие головы Ф. Огибалов и Д. Нетесев со своими приказами, а также тюркские подданные в количестве одной тысячи человек под началом джетисанских мурз Ислама Алеева и Сююна Енаева, юртовского Эльмурзы Ишмурзина и табунных голов Мансыря Шапаева и Темира Соломатова. Им было приказано вместе с терскими ратными людьми под началом князя М.С. Черкасского принять ногайского Аксаина-мурзу Иштерекова и всех его улусных людей и идти с ними в Астрахань. Мурз Тударыка и Шатемира, а также жен и детей мурз Чебана, Аксаина и Шатемира терские воеводы решили отправить в Астрахань водяным путем (РГАДА, лл. 12).

18 июля переселенцы из улусов Чебана-мурзы, Аксаина-мурзы, Шатемира-мурзы и Тударыка-мурзы, в общей сложности 1862 человека, были приведены к Астрахани. Кроме того, водяным путем из Терской крепости были привезены мурзы Шатемир и Тударык; матери мурз Чебана и Тударыка; три жены Чебана-мурзы, три его дочери и два сына, а также мать, две жены и две дочери мурзы Аксаина; две жены, три сына и две дочери мурзы Шатемира. Ногайцев по приводе разместили на левобережной стороне Волги. Воеводы вызвали в съезжую избу мурз Аксаина и Шатемира и «вины им их выговаривали». Им приказано было кочевать со своими улусами «на нагайской степи от Астрахани в ближних местах». От них были взяты аманаты для содержания в Астрахани «по прежнему по переменам» (РГАДА, лл. 14-16).

Уже в Астрахани со слов прибывших мурз Иштерековых выяснилось, что в Нижнее Поволжье были приведены не все их улусные люди с Северного Кавказа, а лишь треть, как они заявляли, от общего числа ногайцев, а остальных их улусных людей оставили под Терком князь М.С. Черкасский, терские мурзы Тамжахал и Бислан, а также табунный голова Тлев Тугашев. Астраханские воеводы послали за оставшимися ногайцами на Терек письменного голову С. Зелинова «с государевыми служилыми людьми». Терским воеводам вместе с князем М.С. Черкасским было приказано разыскать оставленных на Тереке улусных людей мурз Иштерековых, находившихся в терских улусах и слободах, и прислать их в Астрахань к 1 сентября 1651 г. Это поручение было выполнено. Астраханские воеводы докладывали в Москву, что «всего государь Чебана мурзы з братьями приведено три тысячи семьсот двадцать человек» (РГАДА, лл. 16-17).

Чебан-мурза Иштереков избежал высылки в Астрахань. О нем какое-то время не было никаких известий, но в августе 1651 г. появилась информация, что он через Кабарду и Малый ногай уехал к крымскому хану (Новосельский, 1994, стр. 55). Интересно, что еще в июне 1651 г. шамхал Сурхай сообщил астраханским властям, что Чебан-мурза неоднократно обращался к нему с просьбой проводить его с улусам в Крым, что ногайцы постоянно ездят туда самостоятельно. Кумыкский владелец подчеркнул, что не оказал Чебану-мурзе в том никакой помощи и не позволил самому уехать. «И ныне он видя то, что в Крым себе пути не сыскал, и для того побежал к Русским», – писал тарковский шамхал. Сурхай выразил готовность передать ногайские улусы, находившиеся на Тереке, тому лицу, кого пришлют астраханские воеводы. Он предупреждал, что если Чебан-мурза вновь завладеет своими улусами, то непременно уведет их в Крым, поэтому советовал арестовать Чебана-мурзу и доставить его в Астрахань (АИ, 1894, стр. 162-163).

Однако российские власти не отреагировали должным образом на эту информацию. Не исключено, что они не очень доверяли заявлениям тарковского шамхала, даже письменным. Как известно, в этот период времени шамхал Сурхай называл себя в письмах государевым холопом, но при этом прикладывал к своим посланиям печать, заставлявшую усомниться в его искренности. Толмачи беспристрастно фиксировали: «Назади у листа, на концах, вверху и внизу, две печати напечатаны чернилы, а в печатях вырезано: «Шахов холоп Шавкал хан» (АИ, 1894, стр. 163-164). То есть, принося присягу в верности русскому царю, тарковский шамхал заверял ее в качестве подписи печатью, в которой говорилось, что он является персидским подданным.

Выводы

Улусам мурз Иштерековых и Яштерековых не удалось в середине XVII в. прочно обосноваться на Северном Кавказе. На первых порах Чебан-мурза смог договориться с кумыкскими владельцами о совместном проживании ногайцев и кумыков. Тарковский шамхал воспринял Чебана-мурзу в качестве побратима-кунака и не раз демонстрировал способность заступиться за него в ходе конфликтов. Но в дальнейшем между двумя народами начались конфликты на почве ультимативных требований тарковского шамхала к ногайским мурзам выдать ему аманатов и перевести свои улусы в его владения. Ситуация для ногайцев на Северном Кавказе осложнялась также противоречиями, возникшими между мурзами Иштерековыми и Яштерековыми, что привело к расколу терской

улусной группы Больших ногаев на два лагеря. Отсутствие национального единства подрывало позиции ногайцев на Северном Кавказе, облегчало задачу влияния на них российских властей и соседних народов. В итоге улусы Больших ногаев были переведены в 1651 г. российскими силами с Северного Кавказа обратно в Нижнее Поволжье.

Список литературы

- Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею (АИ)* (1894). СПб., Т. 4.
- Бабулин И. (2006). Русско-иранский конфликт 1651-1653. *Рейтар*. М., № 31, стр. 6-33.
- Зевакин Е. (1929). *Азербайджан в начале XVIII века*. Баку: Издание общества исследования и изучения Азербайджана.
- Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. (КРО) (1957). Т. 1. М.: АН СССР.
- Козлов С.А. (2002). *Кавказ в судьбах казачества (XVI-XVIII)*. Изд. второе, испр. и доп. СПб.: Историческая иллюстрация.
- Новосельский А.А. (1994). *Исследования по истории феодализма*. М.: Наука.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 121. Оп. 1. 1651 г., Ед. хр. 1.
- Русско-чеченские отношения: вторая половина XVI-XVII в. (РЧО) (1997). М.: Восточная литература.
- Соловьев С.М. (1991). *Сочинения. История России с древнейших времен*. Кн. VI. Т. 11-12. М.: Мысль.
- Тепкеев В.Т. (2012). *Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века*. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар».
- Торопицын И.В. (2004). Кавказская политика России (о роли аманатов в жизни народов Северного Кавказа и их взаимоотношениях с российской администрацией). *Сборник тезисов и материалов межрегиональной научной конференции «Специфика ментального самосознания и поведения молодежи Северного Кавказа. 24–26 июня 2004 г.»*. Астрахань, стр. 9–15.
- Торопицын И.В. (2007). Институт аманатства во внутренней и внешней политике России в XVII-XVIII вв. *Кавказский сборник*. М. Т. 4, стр. 59–80.
- Торопицын И.В. (2016). Донская служба астраханских юртовских татар в 1646 году. *Современные тенденции развития науки и технологий: сборник научных трудов по материалам XIX Международной научно-практической конференции г. Белгород*,

31 октября 2016 г.: в 13 ч. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой.
Белгород: ИП Ткачева Е.П., 2016. № 10. Ч. 4, стр. 123–131.

Трепавлов В.В. (2002). *История Ногайской орды*. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.

THE BIG NOGAI IN THE NORTH CAUCASUS IN THE MIDDLE OF THE 17TH CENTURY

Toropitsyn I.V.

Toropitsyn Ilya Vasilyevich, Astrakhan state university,
414056, Astrakhan, Russia, Tatishchev St., 20a, E-mail: itoropitsyn@mail.ru

The Caucasian subject holds a specific place in the history of Russia. Many bright and tragic pages of history of our State are connected with the Caucasus. The Russian presence in this region was designated in the second half of the 16th century. At the same time in the Caucasus during the 16-17th centuries it is possible to speak about any borders of Russia very conditionally as borders weren't designated on maps and the more so on the area. Delimitation in a format of recognition by the adjacent countries of certain territories as spheres of influence of this or that state is characteristic of this period of time in relation to the Caucasus. It could be possession of any feudal lord who has entered citizenship which territory became a part of the state and her external boundary was border of already whole country. At the same time not always the central authorities sought to record these borders, and their protection was actually destiny of the local feudal nobility. In case the feudal lord left citizenship, and for this purpose it wasn't obligatory to do it in writing, was actually to cease to meet conditions of contracts (shertny diplomas) enough, then and the territory controlled by him stopped being a part of the state though the central power could continue to consider such possession of the sphere of the influence by inertia. It wasn't necessary to rely in such cases on the fact that the border is locked. Even presence of strong points in the form of fortresses and ostrogs (small forts) didn't guarantee complete control over a situation around the Russian border in the Caucasus. Penetration through it was ordinary business. Similar collisions concerning borders in the Caucasus have brought in the middle of the 17th century to the serious conflict between Russia and Persia.

Keywords: Russia, Persia, Astrakhan, Terek, the Nogais, the Kumyks, 17th century

References

Acts are historical, collected and published by an the arkheograficheskoy commission (AH) (1894). St. Petersburg, T. 4.

Babulin I. (2006). Russian-Iranian conflict 1651-1653. *Reytar*. Moscow, No. 31, p. 6-33.

- Zevakin E. (1929). *Azerbaijan at the beginning of the 18th century*. Baku: Edition of society of a research and studying of Azerbaijan.
- Kabardino-russkiye the relations in the 16-18th centuries (KRO) (1957). T. 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR.
- Kozlov S.A. (2002). *The Caucasus in the fate of the Cossacks (XVI-XVIII). The edition second corrected and added*. St. Petersburg: Historical illustration.
- Novoselskyi A.A. (1994). *Researches on feudalism history*. Moscow: Science.
- Russian State Archive of Ancient Documents (RGADA). F. 121. L. 1. 1651, C. 1.
- Russian-Chechen relations: second half of the 16-17th century (RChO) (1997). Moscow: East literature.
- Solovyov S.M. (1991). *Compositions. History of Russia since the most ancient times*. Book VI. T. 11-12. Moscow: Thought.
- Tepkeev V.T. (2012). *Kalmyks in Northern Prikaspiya in the second third of the 17th century*. Elista: ZAOR «NPP Dzhangar».
- Toropitsyn I.V. (2004). The Caucasian policy of Russia (about a role of amanat in life of the people of the North Caucasus and their relationship with the Russian administration). *Collection of theses and materials of an interregional scientific conference "Specifics of mental consciousness and behavior of youth of the North Caucasus. On June 24-26, 2004"*. Astrakhan, p. 9-15.
- Toropitsyn I.V. (2007). Institute of an amanatstvo in domestic and foreign policy of Russia in the 17-18th centuries. *Caucasian collection*. Moscow. T. 4, p. 59-80.
- Toropitsyn I.V. (2016). The Don service of the Astrakhan Yurt Tatars in 1646. *Current trends of development of science and technologies: the collection of scientific works on materials XIX of the International scientific and practical conference Belgorod, on October 31, 2016: in 13 h / Under a general edition of E.P. Tkachyova*. Belgorod: IP Tkachyova E.P., 2016. No. 10. P. 4, p. 123-131.
- Trepavlov V.V. (2002). *History of the Nogai horde*. Moscow: RAS East Literature book-publishing firm.

КАСПУЛАТ УДАЛОЙ, ИЛИ ЗАЩИТА АСТРАХАНСКОГО КРЕМЛЯ ВО ВРЕМЯ РАЗИНСКОГО БУНТА

Канатьева Н.С.

Канатьева Наталья Сергеевна, Астраханский государственный университет, 414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: nessy71@mail.ru

Астраханский кремль, самый южный кремль России, яркий пример русского оборонного зодчества и самое мощное военно-оборонительное укрепление своего времени, пережил немало осад и нападений. Но во время восстания Степана Разина астраханцы, встав на сторону мятежников, сами распахнули ворота южной твердыни. И лишь несколько человек из целого гарнизона остались верны своему воинскому долгу и отчаянно защищали Артиллерийскую башню, одну из непроездных башен крепостной стены. Это были люди князя Каспулата Муцаловича Черкасского и несколько русских пушкарей, под предводительством узденя Казыева. Истории отважной и безнадёжной защиты башни посвящено это исследование.

Ключевые слова: Астраханский кремль, военно-оборонительные укрепления, повстанцы, черкасские оружейники, русские пушки, Артиллерийская башня.

Как всем хорошо известно, Иоанн IV Грозный «Астрахань брал». И, хотя образ этого царя в истории однозначно так и не определён – был ли он кровавым тираном или собирателем земель, достойным причисления к лику святых, - в том, что именно при нём были присоединены к русскому государству Казанское и Астраханское ханства, никто не сомневается.

Вхождение Астрахани и прилегающего Нижнего Поволжья в 1556-1558 годах в состав России хронологически совпало с государственными административными реформами, в результате которых все небольшие города астраханской округи были включены в единое воеводское управление с центром в Астрахани.

Астраханские воеводы были полными управителями пограничных земель и обладали широкими полномочиями (Астраханские губернаторы. Историко-краеведческие очерки, 1997, стр. 4). Главными же их задачами были защита от крымских татар и контроль над волжским торговым путём на всём его протяжении. Это требовало «строительства крепостей для действий против Крыма в низовьях рек, ведущих на юг» (Гусарова, 2009, стр. 17).

Таких крепостей было воздвигнуто несколько: в 1556 году «нов город на Псле» (Псел – НК); в том же году «князь Вишневецкий «на Днепре на Кортицком острове город поставил против Конских вод у

Крымских кочевий», заложив главное укрепление ... Запорожской сечи. Третья крепость должна была появиться на Дону, куда в 1559 году послали одного из членов Избранной рады Игнатия Вешнякова, - «смотри, где пригоже город ставить, чтоб ис того города блиско ходити х Крыму воевати» (2009, стр. 17). На волжском направлении также появились опорные крепости: «в 1567 году посланные из Москвы по просьбе кабардинского князя Темрюка воеводы «со многими людьми для городового дела» поставили город «на Терке реке усть Сююнчи реки»; тогда же шамхал бил челом царю Ивану и выделил по требованию Москвы место под город в своих владениях «на Овечьих водах» (2009, стр. 17).

Но самой ранней из этих «опорных» крепостей на волжско-северо-кавказском направлении была Астраханская крепость, которая, по замыслу А.Ф. Адашева, главы Избранной рады, должна была стать основной военной базой для решения «одной общей военной задачи» - устранение угрозы с востока и юга. Е.В. Гусарова определяет «первоначальное значение русской Астрахани» (выделение Е.В. Гусаровой –НК) ещё конкретнее - как опорный пункт для войны с Крымом, справедливо отмечая особенный характер укреплений и иной уровень ставившего Астраханскую крепость мастера (2009, стр. 18-19).

Таковым был «дьяк-строитель» (Крепость. Путешествие в Каспийскую столицу. Крепость. Астраханский кремль, 2017, стр. 41) Иван Григорьевич Выродков, который должен был построить кремль и стать там воеводой. Имя его известно и прославлено строительством многих фортификационных и осадных сооружений; самыми знаменитыми из них считаются осадные башни при штурме Казани, малые регулярные крепости, построенные после взятия Полоцка, города в Галиче и «на устье на морское» реки Наровы, а также Свияжская крепость. Про Выродкова писали многие исследователи, называя его «известным городовым стройщиком» (Н.Е. Носов), «выдающимся строителем крепостей» (А.А. Зимин), «знаменитым русским инженером» (С.О. Шмидт) «исключительных дарований» (Р.Г. Скрынников) (Гусарова, 2009, стр. 19). А Е.В. Гусарова считает Ивана Григорьевича не только инженером-фортификатором, но и мастером минно-взрывного дела (2009, стр. 19).

Вот такой незауряднейший человек создал Астраханскую крепость. Очевидно, что крепость (точнее, крепость плюс острог (2009, стр. 38)) была сильна и прекрасна военной красотой: «рациональность построения, наличие предварительной математической схемы, геометричность планировки, доминирование единой центральной оси, построение селитебной территории по принципу римского лагеря

(castrum romanum), использование модульной системы, постановка храма и башен по оси улиц ... позволяют говорить об усвоении Выродковым приёмов ренессансного градостроительства, принесённых на Русь итальянскими мастерами. ... (крепость) является полноценным созданием русской градостроительной школы, сложившейся к середине XVI в. под влиянием итальянских мастеров» (2009, стр. 44-45).

Астраханская крепость доказала свою жизнеспособность – она успешно перенесла осаду в сентябре 1569 г., когда к Астрахани подошло огромное турецкое войско (по разным источникам, от 60 до 200 тысяч воинов) (Крепость. Путешествие в Каспийскую столицу. Крепость. Астраханский кремль, 2017, стр. 49) под предводительством паши Касима и Девлет-Гирея – «тако много, яко их со высокого самого кургану созрети невозможно» (2017, стр. 50). Астраханский гарнизон по руководством воеводы Долмата Карпова выстоял, не только не покинув в страхе город, как предрекали турки, но и отважно сопротивляясь. Астраханцы обстреливали врага из пушек, предпринимали вылазки, предотвратили подкоп под стену кремля и взрыв крепостной стены. В конце сентября турки бесславно покинули астраханские степи, «с великой печалью и срамотой» (2017, стр. 50), а султан Селим II, правивший в то время, был прозван Несчастливым (2017, стр. 50).

В 1580 году Астраханская крепость с честью выдержала ещё одно испытание, осаду крымско-ногайского войска из 1400 всадников. По свидетельству К. Берроу, «увидев мощь Астраханской крепости, (всадники) так и не решились атаковать» (Рубинштейн, 1938; Крепость. Путешествие в Каспийскую столицу. Крепость. Астраханский кремль, 2017, стр. 53). Отметим, что речь идёт о земляной крепости, которая, как мы видим, вполне справлялась с функцией защиты русской Астрахани. Тем не менее, постоянная угроза «степи» требовала нового строительства. И на этот раз вместо земляной крепости и деревянных срубов нужно было построить каменный кремль.

Он был построен к 1589 году, хотя укрепление стен продолжалось вплоть до 1619 года. Всего строительство длилось 7 лет, если не считать достройки стен, и застало царствование трёх царей – Иоанна IV Грозного, Феодора Иоанновича и Бориса Годунова. Зодчими кремля считаются «градодельцы» Михаил Вельяминов и Григорий Овцын (Овцин), а также «особый дьяк» Дей Губастый (везло Астрахани с дьяками, ничего не скажешь). И, как отмечается во многих источниках, строили по чёткому плану, присланному из Москвы, с фиксированной сметой и привязкой к местности. Одной из

многих уникальных особенностей астраханского кремля является то, что построен он был из остатков золотоордынских крепостей, находящихся относительно недалеко, на притоке Волги Ахтубе. (Кстати, несколько лет назад, при перестройке и восстановлении Архиерейского подворья в кремле, рабочие обнажили от многовековых наслоений слой золотоордынского кирпича – плинфы, и все желающие могли прийти в кремль и полюбоваться на древние камни). «В царствование Федора Ивановича выдан чертёж на построение кремля каменного, в окружности не более, как стоял старый полисад: кирпич приказано было брать с Ахтубы, разрывать дома, а если не достанет, и Амусы (значит улусы - примечание в оригинальном тексте – НК) ломать, стены города поставить в кремле выхода 8 башен, к наружному выходу большия, а где менее беды поменьше, но чтобы все были о трёх бойницах; с выхода где будет город на восток ставить выше и шире большую башню, чтобы можно было в ней проезжать; чертёж указывает ширины; город старый как стоял, так тут и ямы рыть, а что Бог даст, то хотели приумничать по больше, в кремле сделать два зелейных двора, а для белаго города принесут чертёж» (Ключаревская летопись: История о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней происшествиях, об архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах, 2010, стр. 17) (сохранена орфография и пунктуация источника –НК).

Итак, с самого начала Астраханский кремль создавался по строгому и разумному плану, и вполне закономерно, что он стал «ярким примером русского оборонного зодчества» (Крепость. Путешествие в Каспийскую столицу. Крепость. Астраханский кремль, 2017, стр. 56) и «самым мощным военно-инженерным укреплением» (2017, стр. 56) своего времени. Но главное испытание для любой крепости – это осада и штурм. Что говорит нам история о попытках завладеть Астраханским кремлём? Сколько их было, были ли они успешны?

Таких попыток было не очень много, и все они окончились неудачей осаждавших: и калмыки, и татары, подходившие к Астрахани в XVII веке, с потерями отступали. Астрахань называют «сильнейшей в Поволжье крепостью» (2017, стр. 56) (2017, стр. 68) с храбрым гарнизоном. И в XVIII веке, когда многие крепости России оказались устаревшими и ненужными, Астраханский кремль сохранял своё значение и, вместо того, чтобы быть переданным в ведение гражданских властей и даже разобранным, дополнялся линиями обороны: «траншаментом» при губернаторе А.П. Волынском и «водным кольцом» по реке Кутум, задуманным В.Н. Татищевым и

А.П. Ганнибалом и окончательно осуществлённым Варвацием (2017, стр. 72-73). Любопытный факт: в Астрахани, по «штату» 1724 года, надлежало держать 13 специалистов-фортификаторов – больше, чем в любой другой крепости Российской империи (2017, стр. 74). Это подчёркивает стратегическое значение Астраханского кремля.

Итак, военная история Астраханского кремля внушает заслуженное уважение. Совсем не так обстоит дело с историей политической. Устоявший перед захватчиками-чужаками, Астраханский кремль отворял ворота самозванцам и бунтовщикам.

Есть знаменитое выражение, приписываемое отцу Александра Македонского, Филиппу II Македонскому: «Осёл, гружённый золотом, возьмёт любую крепость». Сомнительно, что у Марины Мнишек и донского казачьего атамана Ивана Заруцкого был с собой гружённый золотом осёл, но Астрахань приняла беглецов, после того, как вновь назначенный Михаилом Фёдоровичем Романовым воевода Одоевский в конце 1613 года разбил их «воровское полчище» под Воронежем (Костомаров, 1993, стр. 401). Марина Мнишек, с малолетним сыном, жила непосредственно в Астраханском кремле, в Троицком монастыре, и, как пишет Костомаров, «жила ... в постоянном страхе: она не приказывала звонить рано к заутрене, под предлогом, чтобы её сын не пугался звона, а на самом деле боялась набата» (1993, стр. 401). Страх, тем не менее, не остановил её и Заруцкого от святотатства: «серебряное паникадило Заруцкий приказал перелить в стремяна, а «лютерка» Марина устроила при Троицком монастыре домовую капеллу, освящённую монахом-августинцем Николаем Мелло» (Крепость. Путешествие в Каспийскую столицу. Крепость. Астраханский кремль, 2017, стр. 115). Марина недолго пробыла в кремле, весной 1614 года ей пришлось бежать. Но факт остаётся фактом – астраханская твердыня открыла ворота самозваной царице.

Во второй половине XVII века страну сотрясало восстание под предводительством Степана Разина. И, как пишет летописец Астраханской епархии о. И. Саввинский, «обаяние Разина на Волге было столь сильно, что жители городов и сами стрельцы охотно переходили на его сторону» (Очерки истории Астраханской епархии за 400 лет ее существования: в 2ух томах, 2002, стр. 136). Когда Разин с войском дошёл до Астрахани, то жители города не только не оказали ему сопротивления, но, более того, помогли овладеть городом.

В Ключаревской летописи в сдаче города бунтовщикам обвиняются монахи Троицкого монастыря, которых в то время было в общей сложности около 2000 человек (Ключаревская летопись: История о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней происшествиях, об архиереях в оной бывших, а также о воеводах,

градоначальниках и губернаторах, 2010, стр. 27). Летописец утверждает, что монахи сговорились о сдаче города разинцам ещё во время первого пребывания Разина в окрестностях Астрахани, в 1666-1668 годах, – тогда ему не удалось попасть в город, и он скрывался на Чуркинском бугре. Но два года спустя Разин вновь явился под стены города и кремля, которые открылись для него изменниками.

По словам голландца Яна Стрюйса, служившего на первом русском корабле Каспийской флотилии «Орёл», Астрахань была укреплена так, что могла оказать «сопротивление даже стотысячной армии. Астраханский гарнизон насчитывал в общей сложности около шести тысяч человек. На стенах и башнях крепости установили 500 пушек, приспособления для метания камней, чаны с варом и кипятком, опрокидываемые в момент приступа на головы осаждавших. Вокруг города шёл высокий земляной вал с глубоким рвом. Оборону наиболее ответственных пунктов воевода Прозоровский поручил иностранцам. Подступы с Волги охраняла флотилия с флагманом «Орёл»...» (2017, стр. 118). Воевода даже занял деньги у митрополита, чтобы выдать жалованье стрельцам. Но всё эти меры не спасли ни города, ни крепости от предательства. Капитан корабля «Орёл» Давид Бутлер первым оставил свой воинский долг. Получив письмо с угрозами от Разина, он созвал офицеров корабля, и на собрании было решено, что "лучше будет пуститься в бегство, принимая во внимание, что, не получая жалования, они считают себя освобожденными от государственной службы". В ночь на 12 июня 1670 года пятнадцать человек команды на небольшой шняве покинули корабль (Астрахань во время восстания С.Т. Разина, 2018).

В ночь с 20 на 21 июня (по другим данным – на 22 июня и 22 июля) 1670 года троицкие монахи перебили часовых и караульных у Вознесенской башни (ныне не существует – НК) Астраханского кремля. (В царской грамоте, напротив, указано, что Разина в город впустили не монахи, а стрельцы (Крепость. Путешествие в Каспийскую столицу. Крепость. Астраханский кремль, 2017, стр. 120)). Так или иначе, путь в крепость был открыт. В различных источниках подчёркивается, что местный гарнизон практически не оказал сопротивления (2017, стр. 120). Застигнутые врасплох, защитники не смогли организовать сопротивление и погибли. «Бояре, воеводы и окольный Волынский все повешены были на городских башнях, кроме князя Ивана Никитича Одоевского, который ...укрылся у попа Оселка» (Ключаревская летопись: История о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней происшествиях, об архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах, 2010, стр. 30), пишет ключарь Васильев. Ему вторит Саввинский:

«...произошло страшное кровопролитие: перебиты были и воевода Прозоровский, и дворяне, и дети боярские, и все чиновные люди. Кровь человеческая ручьями разливалась по земле» (Очерки истории Астраханской епархии за 400 лет ее существования: в 2ух томах, 2002, стр. 137).

Лишь одна из башен кремля оказала яростное сопротивление и доставила мятежникам много хлопот. Это была угловая северо-восточная башня, у которой было два названия: Артиллерийская, потому что к ней примыкал Зелейный, он же Пороховой, он же Артиллерийский двор, и Пыточная, так как позже к ней была пристроена «судная палата» и, по распоряжению одного из астраханских воевод, Ивана Хворостинина, «правёж и пытки чинились в глухой артиллерийской башне. На дыбе кричат слова хульные на великого государя. Почто давать их слушать черни?» (Марков, 1976, стр. 54).

«Артиллерийская башня имела четыре боевых яруса, которые соединялись каменными лестницами, устроенными в толще стены. На уровне боевой площадки крепостной стены в башне были устроены сквозные проходы для выхода на прясло (участок крепостной стены между башнями – НК). В плане башня была квадратной. Верх её завершался пятью зубцами с каждой стороны. Средние три зубца имели стрельницы. Над зубцами возвышался деревянный шатёр со сторожевой вышкой. В толще башенных стен были устроены глубокие ниши-бойницы для размещения пятнадцати пушек, приспособленных к круговой обороне» (1976, стр. 54).

Итак, весь город и крепость в руках разинцев. Но Артиллерийская, или Пыточная, башня продолжает сражаться. Кто же были эти люди, стоявшие насмерть в абсолютно безнадёжной ситуации, сколько их было? Источников сохранилось очень мало, из дореволюционных лишь А.И. Попов и С.М. Соловьёв пишут об этом. Особенно у Попова описание это настолько живо и ярко, что приводим его полностью: «В то же время, как они воры (разинцы – НК) вошли в град Кремль, в Пытошную башню сели насмерть князя Каспулата Мунсаловича Черкасского люди его, да русских два человека, да пушкар, всего сказывают девять человек, и бились они с ворами до половины дни (напомним, нападение на кремль было в ночь – НК)... (Попов, 1857).

Прервём цитату и поясним, откуда в Астрахани появились люди черкесского князя Каспулата Мунсаловича (Муцаловича – НК). Старейший астраханский краевед А.С. Марков рассказывает об этом, ссылаясь на несохранившиеся архивные документы (сам он ознакомился с ними случайно, в марте 1972 года, свитки-столбцы в

плохом состоянии были обнаружены во время переезда Государственного архива Астраханской области из старого здания в новое): «Один из столбцов давал разгадку о людях, засевших в Пыточной башне: «В нынешнем 1669 году, декабря 12, приехал с Терека в Астрахань князя Каспулата Муцаловича Черкасского уздень Казыев¹ с товарищи. И в астраханской приказной палате боярину и воеводе князю Ивану Семеновичу Прозоровскому подал подорожную за печатью Терского городка...».

Терской городок был основан русскими в 1573 году для защиты Северного Кавказа от набегов захватчиков. Черкасские владетели были частыми гостями в русской столице. Туда же ехали и посланцы князя Каспулата Муцаловича. Царское правительство хотело, чтобы черкасы поддержали его в случае казацких волнений... Люди князя Каспулата клялись до конца быть верными русскому престолу и вместе со стрельцами искоренять смуту на Руси.

В Астрахань уздень Казыев и его люди прибыли в тревожное время. К Низовому городу (Астрахани – НК) приближалось войско Разина. В Астрахани с каждым днем росло смятение. Воевода пытался опереться на надёжных людей — иноземных офицеров, пушкарей с корабля «Орёл», богатых иноземцев. Не отпустил он из города и узденя Казыева. И черкасы честно сдержали клятву. Они засели в Пыточной башне и все погибли, но не сдались» (Шамарданов, 2012).

Итак, это были уздень Казыев с товарищами, двое русских (у Маркова – «двое русских дворян» (Марков, 1976, стр. 54)) и пушкар. Сколько было черкесов с Казыевым, что это были за русские дворяне, да и дворяне ли, сколько было пушкарей и кто они были – всё это неизвестно. В одном из немногочисленных источников среди защитников Пыточной башни упоминаются даже некие «персидские купцы» (Швецова, 1954, стр. 256). Как бы то ни было, они сражались храбро, вызвав ожесточение среди разинцев до такой степени, что на Пыточную башню были направлены пушки с несохранившейся башни Раската: «И астраханцы-де, видя то, что тезики из башни из ружья стреляют и казаков бьют, с раскату и с низу и с пушек в ту башню били и зубцы сбили» (1954, стр. 256) (под «тезиками, по-видимому, подразумеваются те самые купцы. Вообще тезиками называли бухарских купцов. –НК). «По той башне били с трёх сторон из пушек по зубцам, чтобы они им предались. Они же крепко сидели, только бы

¹ Примечание: Уздень – сословие на Кавказе. В Кабарде под словом «уздень», также понимается высшее сословие, происшедшее от древних родовых старейшин племени адыге (тлякотлеши), с которыми кабардинские князья (пше) вступили в соглашение и признали их права не только на землю, но и на жившее на ней население.

да был у них порох да запас, не далися бы в долгое время» (Попов, 1857).

Когда у осаждённых кончились пули, они стали стрелять монетами, забитыми в пищали: «только не стало у них свинцу, и они деньгами стреляли...» (1857). Но осаждавшие тоже применили военную хитрость, якобы по совету самого Разина: «Братцы! Вы подставляйте им не головы, а шапки! Пусть потешатся и зелье изведут! - посоветовал атаман. Действительно, вскоре у осаждённых кончились пули, и они стали стрелять деньгами» (Марков, 1976, стр. 54). Но когда закончился и порох, стрелять стало нечем.

Представим себе это сражение. Июнь в Астрахани – это около сорока градусов в тени. Вряд ли застигнутые врасплох защитники башни имели с собой воду или съестные припасы. Жара, пороховой дым, голод, жажда, постоянный обстрел пищалями и пушками. Осознание полной безнадёжности и ясное понимание того, что их ждёт, если они попадут в руки разинцев живыми. И оставшиеся в живых защитники башни (сколько их осталось?) принимают решение прыгнуть вниз, с высоты 15 метров (Артиллерийская (Пыточная) башня с Артиллерийским (Зелейным) двором, 2018), на брусчатку Зелёного двора: «они же Черкасы покидались за город, и тако прибились сами не до смерти же, а иных живых поимали и посекоша всех до смерти...» (Попов, 1857). Т.е. несколько человек всё же выжило после штурма башни и отчаянного прыжка вниз, но их, обессиленных, истекающих кровью, добились разинские казаки...

Остаётся добавить, что, после подавления разинского мятежа и взятия Астрахани, розыск и пытки разинцев проводились именно в Пыточной башне. А переговоры о капитуляции мятежного города, в августе 1671 года осаждённого князем Милославским, велись в шатре князя Каспулата Черкасского, который пришёл на помощь Милославскому (Марков, 1976, стр. 59).

Пыточная, она же Артиллерийская, башня, обветшавшая и лишившаяся зубцов, была полностью отреставрирована лишь в 1958 году. Было возвращено прежнее убранство, восстановлены утраченные и искаженные детали. В 1974 году, после завершения реставрационно-восстановительных работ, комплекс Артиллерийского двора и башни был передан для размещения выставок Астраханскому музею-заповеднику (Артиллерийская (Пыточная) башня с Артиллерийским (Зелейным) двором, 2018). В настоящее время в башне на первом этаже устроена экспозиция «Из истории телесных наказаний на Руси XVI–XVIII вв.», на двух следующих ярусах – экспозиция, посвящённая разинскому бунту (Артиллерийская (Пыточная) башня, Зелёный двор Астраханского кремля, 2018). Вот

только упоминания о храбрых защитниках, выполнивших свой воинский долг и погибших с честью, там нет. Может быть, настало время увековечить их память?

Список литературы

- Артиллерийская (Пыточная) башня с Артиллерийским (Зелейным) двором.* (2018). Получено из <http://www.love-astrakhan.ru/sgt.php?action=view&id=100000119>.
- Артиллерийская (Пыточная) башня, Зелейный двор Астраханского кремля.* (2018). Получено из <http://vetert.ru/rossiya/astrakhan/sights/497-artillerijskaya-pytochnaya-bashnya-kremlya.php>
- Астраханские губернаторы. Историко-краеведческие очерки.* (1997). Астрахань: Государственное предприятие «Издательско-полиграфический комплекс «Волга».
- Астрахань во время восстания С.Т. Разина.* (2018). Retrieved from История Астраханского края: <http://asthistory.narod.ru/istor5.htm>
- Гусарова, Е. В. (2009). *Астраханские находки: История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI-XVIII вв. по документам из собраний Петербурга.* СПб: Нестор-История.
- Ключаревская летопись: История о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней происшествиях, об архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах* (изд. 2-ое, доп., с экз. 1887 года). (2010). Астрахань: ООО Типография «Нова».
- Костомаров, Н. И. (1993). *Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей.* М.: Мысль.
- Крепость. Путешествие в Каспийскую столицу. Крепость. Астраханский кремль.* (2017). Екатеринбург: ООО «Форт Диалог-Исеть».
- Марков, А. С. (1976). *Были Астраханского края.* Волгоград: Ниж.-Волж. Кн. Изд-во.
- Очерки истории Астраханской епархии за 400 лет ее существования: в 2ух томах* (Т. 1). (2002). Ростов н/Д: «Фолиант».
- Попов, А. И. (1857). *Материалы для истории возмущения Стеньки Разина.* Москва: типография Л.Степановой.
- Рубинштейн, Н. Л. (Ред.). (1938). *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке.* (Ю. В. Готье, Перев.) М.: Соцэкгиз.

- Шамарданов, Д. (2012). *Александр Марков "Пыточная башня" ("Забытые страницы"-11)*. Retrieved from <https://damir-sh.livejournal.com/1179161.html>
- Швецова, Е. А. (1954). *Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов* (Т. 1). (А. А. Новосельский, & В. И. Лебедев, Ред.) М.: Изд-во АН СССР.

KASPULAT THE BRAVE, OR PROTECTION OF THE ASTRAKHAN KREMLIN DURING THE RAZIN'S REBELLION

Kanateva N.S.

Kanateva Natalia Sergeevna, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan, Russia, st. Tatishcheva 20a. E-mail: nesy71@mail.ru

The Astrakhan Kremlin, Russia's southernmost Kremlin, a vivid example of Russian defense architecture and the most powerful military-defensive fortification of its time, has survived many sieges and attacks. But during the Stepan Razin rebellion, the Astrakhanians, having risen to the side of the rebels, opened the gates of the southern stronghold themselves. And only a few people from the whole garrison remained faithful to their military duty and desperately defended the Artillery Tower, one of the impenetrable towers of the fortress wall. They were the people of Prince Kasbulat Mutsalovich Cherkassky and several Russian gunners, led by Uzden Kazyev. The history of the brave and hopeless defense of the tower is devoted to this study.

Keywords: Astrakhan Kremlin, military fortifications, rebels, Cherkassk gunsmiths, Russian gunners, Artillery tower

References

- Artillery (Torture) basseillon with the Artillery (Zelein) courtyard*. (2018). Obtained from <http://www.love-astrakhan.ru/sgt.php?action=view&id=100000119>.
- Artillery (Torture) Tower, the Greenhouse of the Astrakhan Kremlin*. (2018). Obtained from <http://vetert.ru/rossiya/astrakhan/sights/497-artillerijskaya-pytochnaya-bashnya-kremlya.php>
- Astrakhan governors. Historical and ethnographic studies*. (1997). Astrakhan: State Enterprise "Publishing and Printing Complex" Volga ".
- Astrakhan during the uprising of S.T. Razin*. (2018). Retrieved from History of the Astrakhan Region: <http://asthistory.narod.ru/istor5.htm>
- Gusarova, E. V. (2009). *Astrakhan finds: History, architecture, town planning Astrakhan XVI-XVIII centuries. according to documents from the meetings of St. Petersburg*. St. Petersburg: Nestor-History.

- Klyucharevskaya Chronicle: The story of the beginning and resumption of Astrakhan, the incidents that occurred in it, the bishops in the former, as well as the governors, mayors and governors (published in the second, additional, with the copy of 1887).* (2010). Astrakhan: ООО Printing house "Nova".
- Kostomarov, N.I. (1993). *Russian history in the biographies of its most important figures*. М.: Thought.
- Fortress. Journey to the Caspian capital. Fortress. The Astrakhan Kremlin.* (2017). Ekaterinburg: Fort Dialogue-Iset LLC.
- Markov, A.S. (1976). *There were Astrakhan Territories*. Volgograd: Lower Volga. Book. Publishing house.
- Essays on the history of the Astrakhan diocese over 400 years of its existence: in 2 volumes (Vol. 1).* (2002). Rostov o/D: «Folio».
- Popov, A.I. (1857). *Materials for the history of indignation Stenka Razin*. Moscow: printing house L. Stepanova.
- Rubinshtein, N.L. (Ed.). (1938). *English travelers in the Moscow state in the XVI century.* (Yu.V. Gauthier, Perev.) М.: Sotzekhiz.
- Shamardanov, D. (2012). *Alexander Markov "The Torture Tower" ("Forgotten Pages" -11).* Retrieved from <https://damir-sh.livejournal.com/1179161.html>
- Shvetsova, E.A. (1954). *The peasant war led by Stepan Razin. Collection of documents (Vol. 1).* (AA Novoselsky, & VI Lebedev, Ed.) Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR.

ОРЕНБУРЖЬЕ: ФРОНТИР ПО РЕКЕ БЕРДЯНКА. КАЗАКИ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

Тюрин А.М.

Тюрин Анатолий Матвеевич, к. г.-м. н., заведующий лабораторией геофизики отдела геологии и геофизики ООО «ВолгоУралНИПИгаз», 460000, Оренбург, Кирова 52А, 29, E-mail: tiurin2007@rambler.ru

В Оренбуржье по реке Бердянка (левый приток Урала) с 1811 г. и до начала Гражданской войны существовал фронт – граница двух разных культур. К востоку от реки – кочевнической казахов, к западу – военизированной казаков, а к концу XIX в. и переселенцев земледельцев из разных регионов Российской империи. Рассмотрена история формирования фронта. Приведены результаты изучения его материального наследия, сохранившегося к западу от Бердянки. Методы изучения: анализ космofотоснимков и полевые маршруты при опоре на опубликованные данные. Приведено местоположение и основные характеристики двух форпостов оренбургских казаков – Красноярского и Озерного. Их рекомендовано включить в охраняемые археологические объекты Оренбургской области. Дано описание материального наследия хозяйственной деятельности казаков – карды (скотного двора) и системы гумен (хранилищ сена), расположенных за пределами поселков. Культурное наследие в бассейне Бердянки рекомендуется изучать комплексно и на регулярной основе.

Ключевые слова: Оренбургская линия, оренбургские казаки, фронт, река Бердянка, материальное наследие.

1. Формирование фронта в районе Оренбурга

В начале XVII в. мурзы Большой Ногайской орды кочевали со своими улусами в районе рек Урал (его среднее и нижнее течение), Эмба, Орь, Иргиз, Самара, Большого и Малого Узеней. Заходили и на правый берег Волги. Самоназвание кочевников – кипчаки, степного объединения – Мангытский юрт (Трепавлов, 2016). Но в первой половине XVII в. Большая Ногайская орда была разгромлена калмыками (Тюрин, 2017). Они заняли всю ее территорию. Часть ногайских родов вошла в калмыцкие улусы. Это и было началом этногенеза этноса, который сегодня называют казаками. В этой общей картине имелись важные частности. Южный Урал (включая Мугоджары) до Эмбы принадлежал башкирам. В 1630 г. «уфимский воевода И.Г. Желябужский еще раз напомнил калмыкам, что в башкирских вотчинах по Ембе и по Яицким вершинам им кочевать запрещено, а также чтобы «по Яику бы вниз и по Ембе и по Тоболу не кочевали»» (Маннапов, 2008, стр. 156). Но по факту башкиры потеряли свои летние пастбища по Эмбе и Тоболу, сохранив в своем

владении верхнее течение Урала. Граница между башкирскими и калмыцкими кочевьями в Приуралье стабилизировалось примерно по рекам Урал и Самара. Сложилась система перекочевков родов обоих степных объединений между зимними, весенними, летними и осенними пастбищами.

С 1723 г. в казахские степи начали внедряться джунгары. По результатам двух битв в 1728 и 1730 гг. казахи остановили их экспансию. Но ситуация в степи изменилась. Рода Младшего жуза вынуждены были кочевать вблизи башкирских владений (Пилипчук, 2015, стр. 146). В 1731 г. его хан Абулхаир принял российское подданство. В жуз входили три объединения родов: байулы, алимулы и жетыру. Территория их кочевков – бассейн Сырдарьи, плато Устюрт, восточное побережье Каспия, бассейны рек Урала (включая его притоки Орь и Илек (История Казахстана, 2005)), Эмбы, Иргиза и Тобола (Муканов, 1991, стр. 6)). Ставка хана Абулхаира находилась недалеко от того места, где в 1735 г. была основана Орская крепость (Рыбалко, 2007, стр. 13). В 1741 г. нескольким казахским родам было разрешено кочевать вблизи места заложения Оренбурга. Но реально, 1731 г. – это только начало вхождения Младшего жуза в состав России.

Первым опорным пунктом Империи в районе будущего Оренбурга был Сакмарский городок. Его основали в 1725 г. яицкие и самарские городовые казаки. В 1734 г. был утвержден проект И.К. Кирилова по продвижению России в зауральские степи, Среднюю Азию и Индию, частью которого было «Изъяснение о киргиз-кайсацких и каракалпакских ордах» (Смирнов, 1997, стр. 16). 1731-1734 гг. можно считать юридическим оформлением начала формирования фронта Российской империи по периферии Южного Урала. Управление обустройством фронта осуществляла с 1734 г. структура под названием Оренбургская экспедиция, переименованная в 1737 г. в Оренбургскую комиссию. В 1743 г. в месте впадения Сакмары в Урал был заложен Оренбург. В 1744 г. образована Оренбургская губерния. В 1748 г. создано Оренбургское казачье войско. К середине XVIII в. сложилась Оренбургская укрепленная линия. Ее общая протяженность от Гурьева (устье реки Урал) до Звериноголовской крепости на реке Тобол около 2500 км. Это была система крепостей, форпостов, редутов и казачьих поселений по рекам Урал, Уй и Тобол.

Формально междуречье Урала и Илека было за Оренбургской линией. Но фактически территория осваивалась русскими. Вблизи Оренбурга южнее Урала был построен Меновой двор (заложен в 1743 г.). В 1737 г. уральские казаки начали промышленную добычу соли в

районе Соль-Илецка. Складывалась система ее транспортировки. В 1753 г. Илецкое месторождение соли было включено в собственность казны. В 1754 г. в районе промысла построена крепость – Илецкая Защита, положившая начало формированию города Соль-Илецка. В этом же году киргиз-кайсакам, башкирам и мешерякам было запрещено добывать соль (Кортунов, 2013, стр. 14). Потом были уход калмыков в Джунгарию (1771 г.) и Пугачевская война (1773-1775 гг.).

В самом начале XIX века возникла идея о переносе границы Оренбургского казачьего войска на реку Илек (левый приток Урала). Этот план начал реализовываться в 1811 г. По реке Илек была создана Новоилецкая линия. Бердянско-Куралинская линия соединяла ее с Оренбургской. Первая проходила от устья Илека (Илецкий городок) до впадения в него правого притока – Куралы. На ней построено шесть форпостов: Линецкий, Новоилецкий, Буранный, Изобильный, Ветлянский и Угольный (Кортунов, 2012). Они были укреплены рвами и валами, внутри последних имелось по 12 землянок для людей (Кортунов, 2013, стр. 15). Между форпостами построены редуты. Бердянско-Куралинская линия шла от устья Куралы, до устья Бердянки. Между верховьями двух рек имелся ее небольшой сухопутный участок. На Бердянке основана крепость Бердянка и редут Ханский. Позднее на этой линии были созданы форпосты Куралинский, Полукуралинский, Прохладный, Озерный, Красноярский, Рудничный (Половинный), Бердянский № 1.

После обустройства Новоилецкой линии (1811-1817 гг.) на левобережье Урала возникли поселки Краснохолм (1818 г.), Кардаилово (1819 г.), Дедуровка (1820 г.), Городище (1823 г.) и другие. Активная фаза заселения Новоилецкого района (его площадь 600 тыс. десятин) началась в 20-х годах. В форпосты и редуты перевели казаков Красноуфимской станицы (Пермская губерния). В Оренбургское казачье войско были приняты черкасы и ясачные татары с последующим их переводом в Новоилецкий район. Для перевозки соли и охраны солевозного тракта (Илецкая защита – Илецкий городок – Самара) приглашены «войсковые обыватели малороссияне, русские крестьяне и казенные солевозы из Воронежской и Саратовской губерний» (Кортунов, 2013, стр. 17). На соляные промыслы присылали ссыльных. Их дети зачислялись в Оренбургское казачье войско. Структура Новоилецкого района по состоянию на середину XIX в. приведена на рисунке 1. Форпосты Красноярский и Рудничный (Половинный) Бердянско-Куралинской линии на карте не показаны. На месте форпоста Бердянский № 1 к тому времени уже существовал поселок Благославенка.

Рис. 1 – Новоилецкий район Оренбургского казачьего войска, 1854 г. 1 – Оренбургская линия; 2 – губернский город; 3 – поселки; 4 – дороги; 5 – крепость; 6 – форпосты

В начале XIX в. южнее Оренбургской линией по рекам Донгуз, Хобда и Илек кочевали казахские рода табын (до 6500 семей), кердери (до 3500 семей) и тама (до 2000 семей) родового объединения жетыру. Их зимовки были на реке Урал до Красногорской крепости и в верховьях Илека. Некоторые рода пропускались на правобережье Урала (Муканов, 1991, стр. 16). По другим данным, в начале XIX в. на территории Новоилецкого района кочевали только рода табын и тама (Лысенко&Анисимова, 2014). После обустройства района казахи были вытеснены за реки Илек, Бердянку и Куралу. Но через Бердянско-Куралинскую линию они пропускались на зимние пастбища (Моисеев, 2013, стр. 195-196). В 1819-1825 гг. род табын, потерявший свои кочевья, вел борьбу против Империи (Ахмет, 2010, стр. 133). Возглавил ее старшина рода Жоламан Тленшин. Но правители Младшего жуза эту акцию не поддержали.

В 1824 г. ханская власть в Младшем жузе была упразднена. Его территория разделена на восточную, среднюю и западную части. Ставка султана-правителя Западной орды находилась на правом

берегу Илека около поселка Сухореченского, Султана-правителя Средней орды – на левом берегу Илека около поселка Изобильного (Рис. 1).

2. Понятие фронтир

Основатели журнала «Фронтирных исследований» и авторы опубликованных в нем статей формируют новое гуманитарное понятие «фронтир». Это ограниченная относительно узкая область контакта двух разных культур, часто оформленная юридически. В ней складывается особый хозяйственный уклад и протекают специфические социальные и этнические процессы. Это новое понятие, имеющее самое широкое смысловое наполнение, отличается от «узкой» трактовки термина «фронтир». Последняя отражена в публикации (Голунов, 2005). Ее автор считает, что укрепленные линии Российской империи на Южном Урале в XVIII-XIX вв. выполняли не только военную функцию. Они «разделяли казахов и башкир, в зоне соприкосновения между которыми происходили периодические столкновения» (стр. 70). Это не совсем так. Этногенез башкир и казахов начался в XVI в. и продолжался в XVII-XIX вв. И его на Южном Урале определяли, в том числе и укрепленные линии. Они являлись фронтиром этнических процессов. По одну их сторону сформировался этнос башкиры, по другую – казахи. Но и сами линии являлись фронтиром в понимании астраханских ученых. Это не просто линии, а территории с особыми формами их заселения (военные поселенцы, казаки, крестьяне с разных регионов Российской империи – великороссы, малороссы, татары, калмыки, ногаи) и специфическими экономическими и социальными условиями. Понятие «фронтир» – это одна из конкретных форм мультидисциплинарного подхода к изучению процессов, которые протекали в прошлом. При этом не отменяется рассмотрение конкретных частных феноменов фронта.

Выше рассмотрены элементы формирования фронта в районе Оренбурга в широкой трактовке этого понятия. Но, когда мы пишем: «Фронтир по реке Бердянка» то имеем в виду самое «узкое» его смысловое наполнение – «граница». По реке Бердянка с 1811 г. и до начала Гражданской войны существовал фронтир – граница двух разных культур. К востоку от реки – кочевническая казахов, к западу – военизированная казаков, а к концу XIX в. и переселенцев земледельцев из разных регионов Российской империи. По этим культурам имеются письменные свидетельства и картографические данные. Фактические данные по формированию поселений Оренбургского и Соль-Илецкого районов собрал и обобщил оренбургский краевед П.Л. Дреев (Дреев, 2017). Мной выполнена их частичная выверка. Но главное, осталось материальное наследие двух

культур – остатки форпостов казаков, их поселений, кард, зимовок казахов, а также их погребальные сооружения. Наследие изучено мной в бассейне Бердянки по космофотоснимкам (КФС) и в ходе полевых маршрутов. Идентификация найденных объектов осуществлялась по картографическим данным и письменным источникам. В тексте статьи их координаты указаны в скобках в формате google.ru/maps. Их достаточно загрузить в соответствующее окно для просмотра КФС.

3. Физико-географический очерк

Река Бердянка берёт начало на северном склоне Илекского плато, впадает в Урал в районе поселка Чкалов. Длина 65 км. Притоки Карагачка, Букабай, Паника (Рис. 2). Имеются два протяженных временных водотока – Желандысай и Ащечай. Нижняя часть ее бассейна находится в Оренбургском районе, верхняя – в Соль-Илецком. Самые верховья реки – в Акбулакском. Перечислены района Оренбургской области.

В геологическом разрезе южного Оренбуржья развита мощная толща солей нижней перми (мощность до 1 км и выше), обусловивших перманентное протекание солянокупольных тектонических процессов. Они в существенной мере сформировали рельеф в бассейне Бердянки. Его отличительная особенность – наличие невысоких холмов («гор»), контролирующих временные и постоянные водотоки, но не формирующих какую-либо систему.

В центральной и восточной частях бассейна Бердянки на поверхность выходят отложения триаса и юры. В западной – неогена. В нижнем течении реки развиты четвертичные отложения. В основном это терригенные породы (песчаники, алевролиты, аргиллиты, глины). Подчиненное положение занимают карбонаты. Нижний триас и донгузская свита его среднего отдела представлены красноцветными породами. Терригенные породы остальных стратиграфических интервалов – сероцветные. Особый интерес представляет пласт светло-серых известковистых песчаников с прослоями известняков (верхняя юра). Он бронирует отложения на западной плосковершинной части горы Змеиная (в прошлом гора называлась Ханская могила). С запада она ограничена обрывом высотой до 35 м (охраняемый природный объект). Здесь русло Бердянки имеет крутой изгиб. Выходы этого пласта на поверхность имеются и на правом обрыве оврага Желандысай. К ним приурочен охраняемый природный объект Белые колодцы.

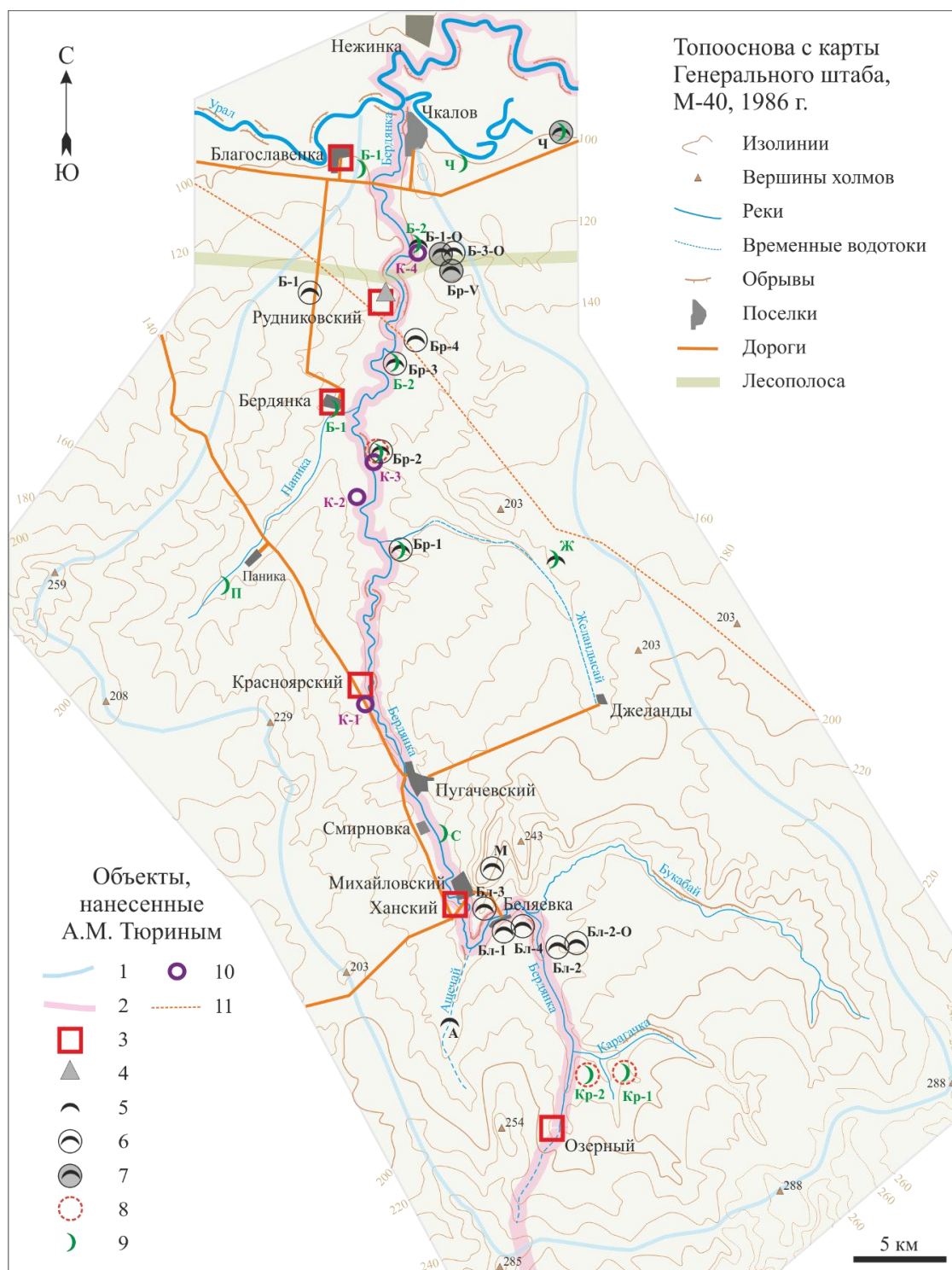

Рис. 2 – Бассейн реки Бердянка. Поселки, исторические объекты и мусульманские кладбища. 1 – граница бассейна; 2 – Оренбургская линия; 3 – форпосты; 4 – медный рудник Сайгачий; 5 – курганные могильники; 6 – курганные могильники – объекты культурного наследия; 7 – курганные могильники, изученные раскопками; 8 – большие древние курганы; 9 – мусульманские кладбища; 10 – карды и гумна; 11 – караванная и скотопрогонная дорога.

Курганные могильники и одиночные (О) курганы памятники археологии, привязанные к поселкам: Чкалов (Ч), Благодославенка (Б-1, Б-1-О, Б-3-О), Бердянка (Бр-1, Бр-2, Бр-3, Бр-4, Бр-5), Паника (П-О), Михайловский (М), Беляевка (Бл-1, Бл-2, Бл-3, Бл-4, Бл-2-О). Остальные курганные могильники нанесены А.М. Тюриным

Бассейн Бердянки находится в зоне типчаково-ковыльной степи. Почвы, в основном, черноземы южные. Но между притоком Бердянки Букабаем и Донгузом расположена зона развития солонцеватых почв и комплексов с солонцами. В ней водосбор временного потока Ащечай (ащи – «горько-соленый», тюркск.). Ограниченными участками солонцы развиты и южнее Букабая по правобережью Бердянки до широты одноименного поселка. На краеведческих сайтах сообщается, что вода в нижнем течении Бердянки солоноватая по причине размыва пластов солей. Такое в принципе возможно. Поверхность соляных куполов залегает в регионе на небольшой глубине (первые сотни метров). Однако по моим наблюдениям, солоноватость воды обусловлена не галитом (NaCl). Она соленая с горчинкой. В районе поселка Благодославенка грунтовые воды слабосоленые. Их минерализация растет в южном направлении до 44 г/л. Тип минерализации – хлоридно-сульфатно-гидрокарбонатный (Генеральный план, 2013). Соленые грунтовые воды отчасти питают Бердянку и ее притоки. Они же обусловили образование солонцов.

Ширина низкой и высокой пойм Урала в районе впадения в него Бердянки 3-6 км. Здесь луга и пойменный лес (тополь белый и черный, осина, ива, вяз). Над поймой две аккумулятивные террасы с плоской, наклонённой к реке поверхностью. Резкий контраст представляет бассейн Бердянки. Надпойменная терраса – коренная. Относительно широкая пойма – до 1,5 км, сформирована только на локальных участках. На других пойма шириной около 100 м врезана в коренные породы. В бассейне реки имеются отдельные группы деревьев (тополь, ива, вяз). По продуктивности – сенокосы, выпасы на пойменных лугах, наличие леса для строительства и отопления, а также аккумулятивных террас с развитым слоем чернозема, бассейн Бердянки резко проигрывает долине Урала. Ситуацию усугубляют солонцы.

В бассейне Бердянки имеется еще один негативный фактор. В поселениях необходимо было иметь колодцы. А грунтовые воды, соленые. Наверняка имелись зоны развития пресных грунтовых вод. Например, информатор сообщил, что вода в колодцах поселка Красноярский была высокого качества. С другой стороны, в Благодославенке в 90-х годах прошлого века вода в водопроводе была солоноватая. В прошлом в последнем поселке этой проблемы не существовало. Его жители воду брали из Урала. Но для бассейна Бердянки в целом качество воды было серьезной проблемой.

По совокупности факторов бассейн Бердянки следует отнести к крайне неблагоприятным для крестьянской колонизации. Это явилось причиной «отступления» с верховьев реки. Там остатки поселков

Ново-Александровский и Карагачка. Тяжелая социальная ситуация в поселках Беляевка, Смирновка, Михайловский. Заброшен поселок Красноярский. Прекратили существование хутора на реке Паника.

4. Материальное наследие фронта

В настоящей статье приведены данные по материальному наследию в бассейне Бердянки к западу от ее русла. На правом берегу Урала почти напротив устья Бердянки в 1742 г. основан пограничный казачий поселок Неженка. Первыми его жителями были солдаты Нежинского полка с территории Украины (Моисеев, 2013, стр. 177).

Казачий поселок Благославенка основан в 1832 г. на месте форпоста Бердянский № 1. Входил в станицу Оренбургская. Кроме него в станицу входили казаки Фортштата (предместье Оренбурга) и поселка Бёрды. Первыми жителями Благословенки были казаки, переведенные сюда из Фортштата. «Затем стали прибывать крестьяне, в основном из с. Исаево-Дедово (сейчас с. Октябрьское Октябрьского района), переселенцы из Тамбовской губернии; частично здесь осели украинцы (из станицы Островной) и мордовские (саврушинские) крестьяне» (Дреев, 2017). Переселенцы зачислялись в казачье сословие. По состоянию на 1866 г. в поселке имелось 97 дворов, 767 душ, на 1891 г. – 140 дворов, 991 душа, на 1926 г. – 239 дворов, 1003 души.

В южном Приуралье выделен Приуральский горно-металлургический центр. Его сырьевая база – месторождения меди в красно- и сероцветных песчаниках татарского яруса верхней перми (медистые песчаники). Медь добывалась в бронзовом веке. После обустройства Оренбургской линии ее добыча возобновилась (Юминов&Богданов, 2017). Наиболее изученными являются рудники Каргалинского рудного поля. Особняком расположен рудник Сайгачий. Находится на левом берегу Бердянки между поселками Благославенка и Бердянка. Это охраняемый объект культурного наследия. Известно, что в середине XVIII в. рудник принадлежал графу Шувалову. В 1769 г. он осмотрен экспедицией П.С. Палласа. Предполагается, что добыча руды велась и в бронзовом веке. Рудник расположен на невысоком холме. Руда добывалась в горных выработках и в штольне. Сегодня выработкам соответствуют ямы глубиной до 3-4 м. Вход в штольню хорошо сохранился. Но несколько лет назад над ней образовался провал.

С определением местоположения форпоста Рудниковский (Половинный) имеются проблемы. Судя по названию, он должен быть около рудника Сайгачьего. В публикации (Лысенко&Анисимова, 2014) отмечено, что у форпоста находился пикет казаков, на котором

производилось исчисление скота и вещей казахов, следовавших в Меновой двор. На карте (Карта, 1905) показаны караванная дорога и проезжие дороги, сходящиеся на правом берегу Бердянки. Эта точка расположена рядом с рудником Сайгачий. Скорее всего, караванная дорога (Рис. 2) соответствует скотопрогонной дороге из Тургайской области. По ней казахи перегоняли скот в Меновой двор. В пределах Новоилецкого района ширина отведенной под нее степи составляла четыре версты. Таким образом, вблизи рудника должны быть остатки поселения рудокопов, форпоста и внутреннего таможенного пункта. Они пока не найдены.

Сведений о начальном этапе существования поселка Бердянский не имеется. Расположен он примерно на том месте, где на карте 1854 г. показан форпост Бердянский (Рис. 1, 2). Расстояние от последнего до форпоста Ханский – 21 верста (Бларамберг, 1987), что соответствует расстоянию от остатков одноименного поселка до центра Бердянки. В справочных документах в 1949 г. упоминается аул Бердянка, относящийся к Пугачёвскому сельсовету (Дреев, 2017). По моему мнению, он показан, как нежилой на (Карта, 1985). Расположен на правом берегу Бердянки южнее могильника Бр-1. На (Карта, 1905) и (Карта, 1910) показан поселок Бердянский на расстоянии 6 км к югу от Благодославенки. Возможно, это ошибка картографов. Возможно, поселок находился вблизи таможенного пункта. Но по свидетельству информатора в первой половине XX в. скотопрогонная дорога пересекала реку Бердянку на 1,5 км к юго-востоку от существующего сегодня одноименного поселка. Там находился пункт ветеринарного контроля.

Хутор Паника основан в 1889-1890 гг., предположительно, выходцами из станицы Павловская. В 1891 г. – 4 двора, 23 душ. Рядом с ним немецкими колонистами основан хутор Этцель (1908 г.) – 11 дворов, 57 душ. Выше по реке Паника было основано еще несколько немецких и украинских хуторов. Все поселения, кроме Паники прекратили свое существование.

Казачий поселок Красноярский возник в 80-х годах XIX в. вблизи одноименного форпоста. По состоянию на 1891 г. – 35 дворов, 218 душ. По состоянию на 1926 г. – 99 дворов, 515 душ. В 80-х годах прошлого века поселок прекратил свое существование. Часть жителей переехала в Пугачевский. Находился поселок на левом берегу Бердянки на ее коренной террасе (Рис. 3). Правый берег реки обрывистый, сложен красноцветными глинами триаса. Отсюда и название форпоста и поселка – «красный яр». С юга поселок ограничен глубокой промоиной временного водотока. Сегодня на его месте остатки жилых домов и бетонного фундамента фермы. Южнее

поселка за промоиной расположены остатки системы, которую информатор (из поселка Островное) назвал «гумна». Казакам было запрещено складировать сено на своей усадьбе (одно из противопожарных мероприятий). Копны сена каждой семьи находились около поселков. Они окружались противопожарными канавами и валами. Сегодня высота валов и глубина канав на гумнах поселка Красноярский не превышает 50 см.

Рис. 3 – Поселок Красноярский (координаты: 51.516374, 55.335447). Левый сегмент – общий план, правый – карды. 1 – русло реки Бердянка; 2 – бровка склона коренной террасы; 3 – граница поселка; 4 – валы и канавы, ограничивающие гумна; 5 – форпост

Сообщений о конкретном местоположении форпоста Красноярский на краеведческих сайтах не имеется. Остатки его сооружений найдены мной по КФС. Они «подчеркнуты» нарастающим снегом (Рис 4). Находятся в 600 м севернее бывшего одноименного поселка, в 430 м к западу от русла Бердянки. Это место было ближним пастбищем скота жителей поселка. Поэтому валы форпоста «затоптаны». Ранней весной копыта коров проваливаются во влажный грунт на глубину до 15 см. Высота остатков вала сегодня примерно 40 см. Верхняя часть плоская. Глубина канавы (остатки рва) 30-40 см. Вал и ров в плане имеют форму почти правильного квадрата со стороной 60 м (по внешней кромке канавы). Вход был с восточной

стороны. Внутри вала впадины от восьми полуземлянок. Колодец находился за пределами территории, огороженной валом.

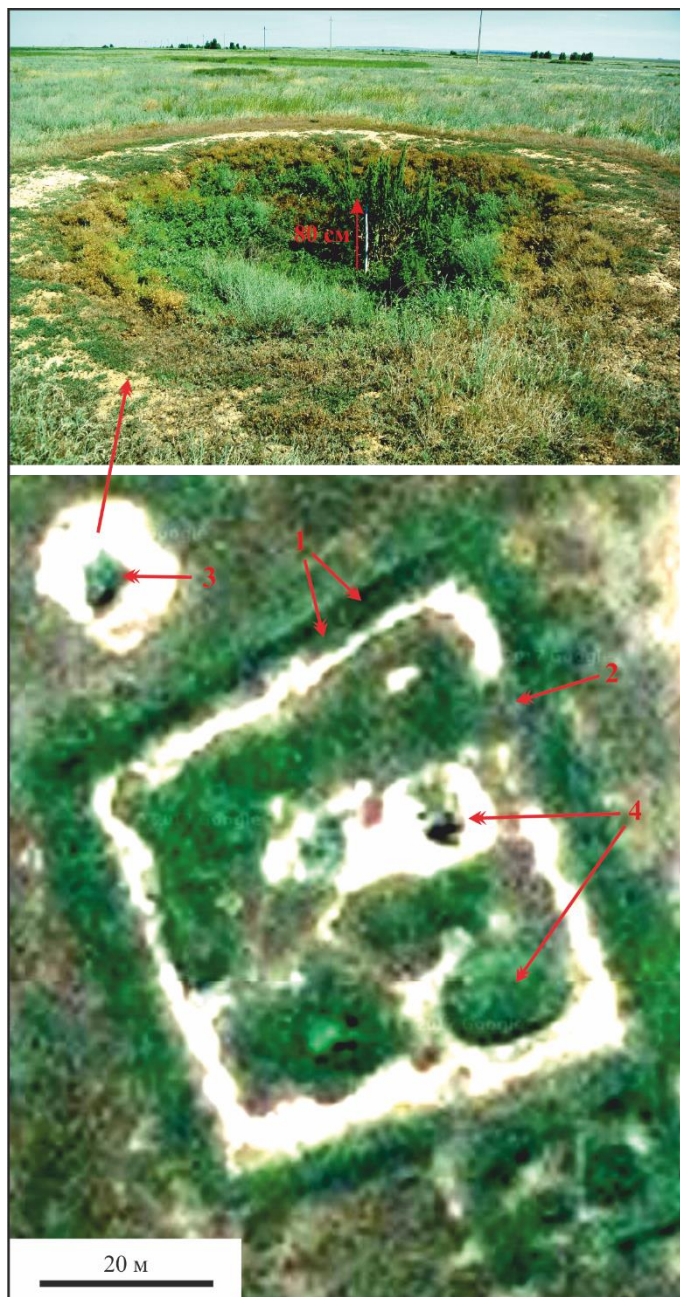

Рис. 4 – Форпост Красноярский (координаты: 51.523185, 55.330931). Верхний сегмент – яма на месте колодца, нижний – общий план. 1 – валы и канавы; 2 – вход в форпост; 3 – яма на месте колодца; 4 – ямы на месте жилищ-полуземлянок

Форпост Ханский основан в 1811 г. с целью защиты солевозного тракта. Назван по близлежащей горе Ханская могила. Одноименный казачий хутор (выселок) возник здесь после 1834 г. По состоянию на 1866 г. – 9 дворов, 48 душ, на 1923 г. – 13 дворов, 98

душ. Сегодня остатки его строений находятся на левом берегу Бердянки напротив поселка Михайловский. Форпост Ханский не найден.

Хутора Смирновка и Беляевка основаны предположительно в 1916-1917 гг. Названы по фамилиям первопоселенцев. По состоянию на 1926 г. – 19 дворов, 92 душ и 33 двора, 162 душ соответственно. Выше по Бердянке на ее левом берегу находятся остатки строений поселка Ново-Александровского. По переписи 1926 г. в нем числилось 35 дворов, 183 души.

Форпост Озерный хорошо сохранился (Рис. 5). Функционально это редут. Глубина рва более метра, высота вала над дном рва 2,0-2,3 м. В плане это почти правильный квадрат со стороной 65 м. Расстояние от реки Бердянка 130 м. Внутри ямы от колодца и полуземлянок. Примерно в центре форпоста имеется раскопанный участок. Грунт (культурный слой) содержит песок и большое количество костей. Такое же строение имеет и форпост Полукуралинский (?) на правом берегу Куралы (51.203512, 55.446708).

Рис. 5 – Форпост Озерный (координаты: 51.348739, 55.450850). 1 – валы и рвы; 2 – вход в форпост; 3 – яма на месте колодца; 4 – ямы на месте жилищ-полуземлянок

По состоянию на 1914 г. на левом берегу Бердянки было три казачьих поселка: Благославенка (станция Оренбургская), Красноярский (станция Павловская) и Ханский (станция Богуславская). На Курале – Прохладный (станция Богуславская). Все четыре поселка советуют форпостам.

У оренбургских казаков Новолинейного района (Южное Зауралье) было две технологии содержания скота (Халиков, 2016). Первая – пастбищно-стойловая. В теплый период года скот выпасался на пастбищах под присмотром пастухов, а на зиму переводился в хозяйства казаков – «в срубные, саманные, каменные, плетневые хлева и конюшни, в загородку из жердей (карда)» (стр. 267). Зимой основным кормом животных было сено и зерно (овес, ячмень, рожь). Вторая технология не предусматривала перевод скота в зимний период в поселки. Табуны коней и овец круглый год выпасались на пастбищах. Зимой тебеневали. У казаков были летовки и зимовки. Нередко там сооружали временные и постоянные жилища и хозяйственные постройки. Были и хлебопекарные печи. На летовках часто жила вся семья. «С собой вывозили даже домашнюю птицу» (стр. 268). На зимовках оставляли молодых казаков и наемных работников. Лошади казаков были монгольской породы (башкирские или киргизские), низкорослые, но выносливые, приспособленные для верховой езды. Крупный рогатый скот был калмыцкой или киргизской породы мясного направления. Его называли «линейным» (его держали казаки Новолинейного района). Главное, этот скот не нуждался в стойловом содержании зимой. Мы предполагаем, что такие же технологии содержания скота были и в Новоилецком районе.

Автор публикации (Рыбалко, 2007, стр. 48-49) приводит свидетельство Д.К. Зеленина (1905 г.): «В Нежинке и других соседних поселках обведенные глубоким ровом карды расположены группами в степи около селения». Карда – это скотный двор. Он может быть расположен рядом с домом, рядом с поселком или на удалении от него на несколько километров. Можно почти однозначно утверждать, что глубокий ров – это противопожарное сооружение. Сегодня Нежинка – большой пригородный поселок Оренбурга. Степь севернее него вовлечена в интенсивную хозяйственную деятельность. Мне не удалось по КФС найти остатки казачьих кард.

На 3,8 км южнее поселка Бердянский находятся остатки карды (Рис. 6). Расположена на самом краю надпойменной террасы, к которой «прижата» старица. Ширина поймы Бердянки на широте карды от 1,0 до 1,5 км. Высота валов над дном канав примерно 1,3 м. Форма валов и канав в плане почти квадратная. Размеры по внешнему краю канавы примерно 60 м. Но со стороны склона террасы вал

отсутствует. К канаве с южной стороны карды приурочена глубокая промоина. Четко фиксируются вход в карду и яма на месте колодца. По «осеннему» КФС просматриваются контуры остатков прямоугольного строения. Ему соответствует небольшое возвышение. Рядом с кардой находятся несколько ям на месте жилищ-землянок. Сведений о времени функционирования карды не имеется. Скорее всего, вал и канава являлись противопожарным сооружением. Наличие землянок свидетельствует о том, что это карда-зимовка. Колодец в ней – совершенно необходимый элемент. Скот нужно поить водой. Доставлять воду из проруби – крайне трудозатратно.

Рис. 6 – Карда К-2 (координаты: 51.584330, 55.326676). Верхний сегмент – общий план, нижний – фото канавы и вала. 1 – старица; 2 – бровка коренной террасы; 3 – промоина; 4 – валы и канавы; 5 – вход в карду; 6 – контуры строения (по «осеннему» космофотоснимку); 7 – яма на месте колодца; 8 – направление фотографии на нижнем сегменте; 9 – ямы на месте жилищ-землянок

Землепользование к востоку от Бердянки и материальное наследие кочевнической культуры казахов (остатки зимних жилищ и

кард), а также курганные могильники и мусульманские кладбища для всего бассейна будут рассмотрены в следующих публикациях.

Форпосты Красноярский и Озерный являются культурным наследием. Их рекомендуется включить в охраняемые археологические объекты Оренбургской области. Культурное наследие в бассейне Бердянки рекомендуется изучать комплексно и на регулярной основе.

Список литературы

- Ахмет, А. (2010). Султан Каратай или степная фронда (из материала оренбургского государственного архива). *Вестник Прикаспия: археология, история, этнология*, № 2, с. 130-133.
- Бларамберг, И. Ф. (1978). *Воспоминания*. М.: Наука, 357 с.
- Генеральный план муниципального образования Благословенский сельсовет Оренбургского района Оренбургской области. Материалы по обоснованию. (2013). ООО «НПП «ГИПРОЗЕМ», Оренбург, <http://cetext.ru/obshestvo-s-ogranichennoj-otvetstvennosteyu-nauchnoe-proizvods.html>
- Голунов, С. В. (2005). Российско-казахстанская граница: история формирования. *Вестник Волгоградского государственного университета, Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, № 10, с. 68-87.
- Дреев, П. Л. Сайт краеведа. <http://dreev.ucoz.ru> Разделы: «Топонимика Оренбургского района» и «Топонимика Соль-Илецкого района» (2017).
- История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв. Т.3. Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731-1759 гг.). (2005). Сост. И. В. Ерофеева. Алматы : Дайк-Пресс, 484 с.
- Кортунов, А. И. (2012). Динамика численности и национального состава Оренбургского казачьего войска в первой половине XIX в. *Актуальные проблемы современного казачества Сибири и Тюменского региона*, с. 13-22.
- Кортунов, А. И. (2013). Создание Новоилецкого района Оренбургского казачьего войска и особенности его заселения в первой половине XIX века. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, Т. 15, № 5-1, с. 12-18.
- Лысенко, Ю. А. & Анисимова, И. В. (2014). *Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.)*. Барнаул: АЗБУКА, 272 с.

- Маннапов, М. М. (2008). К вопросу о межэтнических контактах и летних кочевках башкир и калмыков в XVII в. в степном Заволжье. *Известия Алтайского государственного университета*, № 4-3, с. 156-159.
- Моисеев, Б. А. (2013). *Местные названия оренбургской области. Историко-топонимические очерки*. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 380 с.
- Муканов, М. С. (1991). *Этническая территория казахов в XVIII – начале XX веков*. Алма-Ата: Казахстан, 64 с.
- Пилипчук, Я. В. (2015). Калмыцкое ханство во времена правления Аюка-хана и его отношения с тюрками. *Средневековые тюрко-татарские государства*, № 7, с. 139-151.
- Рыбалко, А. А. (2007). Традиционная архитектура оренбургских казаков (вторая половина XIX – начало XX века) 07.00.07 – этнография, этнология и антропология. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Челябинск, 194 с.
- Смирнов, Ю. Н. (1997). *Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века*. Самара: Самарский университет, 190 с.
- Трепавлов, В. В. (2016). *История Ногайской Орды*. 2-е изд., испр. и доп. – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 764 с.
- Тюрин, А. М. (2017). Калмыки, караногайцы, кубанские ногайцы и крымские татары – геногеографический и геногенеалогический аспекты. *Журнал фронтирных исследований*, № 2, с. 7-29.
- Халиков, Н. А. (2016). Традиционное хозяйство татар-казачков Южного Урала (вторая половина XIX – начало XX вв.). *Средневековые тюрко-татарские государства*, № 8, с. 264-271.
- Юминов, А. М. & Богданов, С. В. (2017). Геохимическая характеристика руд исторических медных рудников Степного Приуралья. *Геоархеология и археологическая минералогия*, № 4, с. 118-123.

Карты Оренбургской губернии и области

- Генеральная карта Оренбургского Края. 1854 г.
http://www.etomesto.ru/map-orenburg_kray-1851-1854/
- Карта Актюбинского уезда Тургайской области. 1910 г.
http://www.etomesto.ru/map-kazakhstan_aktubinsk_aktubinskiy-uezd-1910/

Карта Генерального штаба. М-40. 1986. http://www.etomesto.ru/map-genshtab_m-40/

Карта Тургайско-Уральского переселенческого района Актюбинского уезда Тургайской области. 1905 г. http://www.etomesto.ru/map-kazakhstan_aktubinsk_aktubinskiy-uezd-1905/

ORENBURG REGION: THE FRONTIER ON THE RIVER BERDIANKA. THE COSSACKS AND SETTLERS FARMERS

Tyurin A.M.

Tyurin A.M., head of the laboratory of Geophysics, Department of Geology and Geophysics ООО «VolgoUralNIPigaz», 460000, Orenburg, Kirova, 52A, 29, E-mail: tiurin2007@rambler.ru

In Orenburg on the river Berdyanka (left tributary of the Urals) from 1811 to the beginning of the Civil war there was a frontier – the border of two different cultures. To the East of the river – nomadic Kazakhs, to the West – paramilitary Cossacks, and by the end of the XIX century settlers of farmers from different regions of the Russian Empire. The history of the frontier formation is considered. The results of the study of his material heritage, preserved to the west of Berdyanka are given. Methods: analysis of space photos and field routes based on published data. The location and main characteristics of the two outposts of the Orenburg Cossacks – Krasnoyarsk and Ozerniy are given. They are recommended to be included in the protected archaeological sites of the Orenburg region. The description of the material heritage of economic activity of Cossacks – card (cattle yard) and system of «gumen» (hay storages) located outside settlements is given. Cultural heritage in the basin of Berdyanka is recommended to study comprehensively and on a regular basis.

Keywords: The line of Orenburg, of the Orenburg Cossacks, the frontier, the river Berdianka, material heritage.

References:

- Ahmet, A. (2010). Sultan Karatai or steppe Fronda (from the material of the Orenburg state archive). *Bulletin of the Caspian: archeology, history, ethnology*, № 2, p. 130-133.
- Blaramberg, I. F. (1978). *Memories*. M.: Science, 357 p.
- Dreev, P. L. The website. <http://dreev.ucoz.ru> Sections: «Toponymy of Orenburg district» and «Toponymy of Sol-Iletsky district» (2017).
- Golunov, S. V. (2005). Russian-Kazakhstan border: history of formation. *Bulletin of the Volgograd state University, Series 4: History. Regional studies. International relations*, № 10, p. 68-87.

- History of Kazakhstan in Russian sources of XVI-XX centuries Vol. 3. Magazines and memos of diplomat A. I. Tevkelev on the history and Ethnography of Kazakhstan (1731-1759). (2005). Comp. I. V. Erofeeva. Almaty : Dyke-Press, 484 p.
- Khalikov, N. A. (2016). Traditional economy Tatar-cossackss of the South Urals (second-half XIX – the beginning XX centuries). *Medieval Turkic-Tatar States*, № 8, p. 264-271.
- Kortunov, A. I. (2012). The population dynamics and ethnic composition of the Orenburg Cossack army in the first half of the XIX century. *Actual problems of modern Cossacks of Siberia and Tyumen region*, pp. 13-22.
- Kortunov, A. I. (2013). Formation of the Novoiletsky district of the Orenburg cossack army and the specifics of its settlement in the first half of the 19 th century. *Proceedings of the Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences*, Vol. 15, № 5-1, p. 12-18.
- Lysenko, Yu. A. & Anisimova, I. V. (2014). *Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual foundations and mechanisms of implementation (XIX – early XX century)*. Barnaul: AZBUKA, 272 p.
- Mannapov, M. M. (2008). The question of inter-ethnic contacts and summer migrations of the Bashkirs and Kalmyks in XVII century in the steppe Trans-Volga region. *Proceedings of the Altai state University*, № 4-3, p. 156-159.
- Moiseev, B. A. (2013). *Local names of the Orenburg region. Historical and toponymical essays*. Orenburg : Publishing house of the OGPU, 380 p.
- Mukanov, M. S. (1991). *Ethnic territory of the Kazakhs in the XVIII – early XX centuries*. Alma-ATA: Kazakhstan, 64 p.
- Rybalko, A. A. (2007). The traditional architecture of the Orenburg Cossacks (second half of XIX – beginning of XX century) 07.00.07 – Ethnography, ethnology and anthropology. Thesis for the degree of candidate of historical sciences. Chelyabinsk, 194 p.
- Pylypchuk Ya. V. (2015). Kalmyk khanate during the reign Ayuka khan and his relations with the Turks. *Medieval Turkic-Tatar States*, № 7, pp. 139-151.
- Smirnov, Yu. N. (1997). *Orenburg expedition (Commission) and the annexation of the Volga region to Russia in the 30-40s of the XVIII century*. Samara: Samara University, 190 p.
- The General plan of the municipal formation Blagoslovenskiy village Council Orenburg district of Orenburg region. Materials on justification. (2013). ООО «NPP GIPROZEM», Orenburg,

<http://cetext.ru/obshestvo-s-ogranichennoj-otvetstvennosteyu-nauchnoe-proizvods.html>

Trepavlov, V. V. (2016). *History of Nogai Horde*. 2-e Izd., rev. and extra – Kazan: «Kazanskaya Nedvizhimost», 764 p.

Tyurin, A. M. (2017). Kalmyks, Kara-nogais, Kuban nogais and Crimean tatars – genogeography and genogenealogy aspects. *Journal of Frontier Studies*, № 2, p. 7-29.

Yuminov, A. M., & Bogdanov, S. V. (2017). Geochemical characteristics of ores from the historic copper mines of the Urals Steppe. *Geoarchaeology and archaeological Mineralogy*, №. 4, pp. 118-123.

Maps of Orenburg province and region

General map of the Orenburg Region. 1854. http://www.etomesto.ru/map-orenburg_kray-1851-1854/

The map of Aktobe district of Turgay region. 1910. http://www.etomesto.ru/map-kazakhstan_aktyubinsk_aktubinskiy-uezd-1910/

The map of the General staff. M-40. 1986. http://www.etomesto.ru/map-genshtab_m-40/

The map of the Turgai-Ural resettlement area of the Aktyubinsk district of Turgay area. 1905. http://www.etomesto.ru/map-kazakhstan_aktyubinsk_aktubinskiy-uezd-1905/

ФРОНТИР ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНЫХ ГРАНИЦ¹

Хлыщева Е.В.

Хлыщева Елена Владиславовна, Астраханский государственный университет,
Астрахань, 414056, ул. Татищева 20 А.
e-mail: culture_mar@mail.ru

В статье анализируется проблема соответствия уровней идентичности современному социокультурному пространству. В результате глобализационных процессов происходит размывание традиционных форм идентичности как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. Формируется множественная, транскультурная идентичность, требующая умения свободно лавировать среди различных культурных традиций.

Сосуществование традиционного и постиндустриального мировоззрения нарушает обычные формы этнокультурной идентичности, ставя под сомнение уверенность в собственной безопасности. Активные международные контакты делают сегодня невозможной политику изоляции, однако разный уровень социально-экономического развития, разные картины мира народов не способствуют созданию единого транскультурного пространства, где должны мирно сосуществовать и взаимодействовать глобальные тенденции общественного развития и локальные особенности культурной динамики тех или иных народов. Формирование такого пространства – процесс длительный, базирующийся на преодолении национальных (этнических) идентичностей и предлагающий новый способ множественной идентичности – на выходе из своей культуры и на перекрестке с чужими, который проявляется в самых различных формах, обусловленных той или иной цивилизационной ступенью их эволюции.

В статье исследуются два противоположных подхода: сохранение традиционности вне инновационного пространства и ломка всех традиционных устоев. В гетеротопном пространстве современного общества преобладающим становится по ряду причин первый подход. Закономерное желание сохранить культурную самобытность способствует консервации традиционной идентичности, не соответствующей развитию постиндустриального общества. Однако гетеротопное пространство фронта ломает сложившиеся стереотипы и конструирует новое транскультурное пространство, требующее теоретического осмысления.

Ключевые слова: фронт, гетеротопия, трансгрессия, культурная трансформация, идентичность, деконструкция

Сегодняшнее социальное пространство «подвижно и неустойчиво, с размытой идентичностью и системой ценностей» (Бек,

¹ Работа выполнена при поддержке РНФ, проект №18-78-10064 «Трансформация механизмов в формировании пострангрессивной модели религиозной идентичности в современном информационном пространстве»

2001, стр.23), в нем существует множество локальных культур, «легитимируемых политикой культурного плюрализма, имеющего наряду с положительными чертами массу негативных последствий, выражающихся в потере целостности, дроблении культурного пространства на множество фрагментов его составляющих» (Мамонова, 2007). Это своеобразный «калейдоскоп культур» (Wadron, 2000, р.236), где сосуществуют многочисленные субкультуры, дробя культурное пространство на «множество фрагментов его составляющих» (Мамонова, 2007). Следствием трансграничного перемещения людей становится разрушение привычных норм и размывание прежних форм идентичности как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях.

Необходимость выработки адаптационных механизмов к изменяющимся условиям усиливает внимание к процессам трансформации культурной идентичности. Под влиянием глобализации формируется множественная, транскультурная идентичность, представляющая выход за пределы «своей» культуры и диффузию исходных культурных идентичностей. Сегодня актуально умение «свободно лавировать среди различных культурных традиций» (Wadron, 2000, р.236), так как жизнь каждого человека уже не проходит в рамках одной культуры; она представляет смешение, синтез культурных фрагментов.

Исходные уровни идентичности связаны с традиционной культурой и выполняют функцию самосохранения. Будучи одним из механизмов социализации, идентификация позволяет человеку, который действует в рамках требований общества, приобщиться к культуре общества и чувствовать свою защищенность. Идентичность позволяет ответить на вопрос «кто я?, кто мы?». История народа – это постоянный путь самоутверждения и манифестации своей идентичности. Поэтому этнокультурная идентичность есть явление «культурно и исторически опосредованное, изменчивое, получающее специфическое содержательное наполнение в конкретном культурном, социальном, политическом, цивилизационном контексте» (Костина, 2009, стр. 168), она формируется под влиянием социокультурного контекста бытия и конкретной привязки к определенной культурной системе.

Однако устойчивость традиционной культуры ведет к охранительству и начинает мешать инновационным процессам. Тогда наблюдается кризис идентичности, указывающий на достижение критической стадии своего развития и требующий культурной трансформации. Современное пространство как раз представляет

собой «сферу противоречивого существования различных культурных парадигм и их социальных контекстов» (Смирнова, 2003, стр. 157).

В результате сосуществования традиционной и постиндустриальной картины мира, трансформационные процессы нарушают «традиционные формы этнокультурной идентичности, ставят под сомнение субъективное ощущение идентичности, сформированной в рамках прежней традиции» (Романова, Хлыщева, Якушенков, 2013, стр.15). Наблюдаются два противоположных направления: размывание границ и, соответственно, традиционных «идентичностей», с одной стороны, и потребность в так называемой «исторической укорененности», ценностно-мировоззренческой стабильности определенной группы людей, с другой.

В первом варианте происходит «деконструкция» национальной (этнической) идентичности, переход на интернациональный образ жизни, во втором, напротив, идет конструирование прежней идентичности, в основе которой лежит стремление восстановить или даже создать заново традиционный образ своего народа. В основе процесса деконструирования национальной идентичности лежат заимствования культурных моделей из иных («внешних») культур. На этом уровне создателями культурных инноваций нередко выступают выходцы из других стран или другой социокультурной среды, оказывающиеся гетерогенными для данного общества. Все это означает выход за пределы «своей» культуры и диффузию исходных культурных идентичностей.

Стремление сохранить исконную идентичность в новой среде создает адаптационные сложности. Особенно остро это проявляется по отношению к проблеме идентичности представителей малых групп, этнических, религиозных меньшинств. Происходит разрыв в преемственности, когда «разрушение одного типа идентичности должно компенсироваться идентичностью другого типа» (Салихов, 2011). Отсутствие механизма преемственности идентичности сопровождается ощущением внутреннего дискомфорта и даже тревоги, приводящих к замкнутости и усилению изоляционистских тенденций.

В такой ситуации способом объединения людей может стать пространственная память (земля наших предков, родовое имение и т.д.). Результатом становится «воображаемая идентичность» (Марков, 2018, стр. 95). Иными словами, с одной стороны, в результате глобализации и растущих потоков иммиграции наблюдается процесс трансформации и размывания этнокультурной идентичности, а, с другой, – активизация процессов самоидентификации, вызванная неукорененностью в современном социокультурном пространстве.

При таком подходе динамика и многообразие социокультурных явлений интерпретируется через разнообразие социокультурных типов, которые должны быть скоординированы с культурной системой общества. Возможен даже вариант выбора другой модели идентичности, которая будет больше соответствовать конкретной культурной среде.

Представитель множественной идентичности – субъект постмодерна. Он носитель не только «социального прогресса» (Марков, 2018, стр. 97), но и представитель своей культурной среды, пола, гендерных предпочтений и др. Идентичность постмодерна претендует на всеобщность, но является характеристикой исключительно индивидуального уровня: от человека требуется индивидуализировать свои впечатления, образ бытия. Поэтому сегодня идентичность формируется не через определенные правила и традиции, а через идентификацию, т.е. узнавание субъекта в определенном качестве, например, афроамериканец, представитель секс-меньшинства, феминистка и т.д. Так выстраивается многослойная идентичность, основанная на памяти.

Культурные рамки памяти посредством практик преобразуют линейный поток времени, позволяя воспользоваться опытом прошлого. Так формируется идентичность, которую О.Марквард сравнивал с «плюшевым мишкой» (Ассман, 2017, стр. 234): взрослые пользуются этим видом идентичности, подобно маленькому ребенку, таскающему за собой плюшевого мишку, чтобы противостоять новому, непонятному и потому пугающему. Это соответствует традиционной этноконфессиональной идентичности.

Перемены, происходящие в обществе, конструируют инновационное понимание идентичности, «отсылая к динамике времени, акцентируя активные, рефлексивные и конструктивные аспекты психологического развития индивидуума или культурного формирования личности» (Ассман, 2017, стр. 234). Тесная связь между памятью и идентичностью обуславливает создание идентификационных возможностей, позволяющих индивиду и коллективу отстаивать свои интересы.

Для современного этапа характерны:

- процесс сближения и унификации различных культурных миров;
- активизация этнического, религиозного и культурного самоопределения;
- тенденция к сохранению своего культурного наследия;
- интерес к знакомству с культурами других народов в разных регионах мира;

- развитие культуры, переосмысляющей достижения предшествующей культуры и пытающейся адаптировать их под новый тип сознания.

Культура общества должна быть богатой и разнообразной, а большая часть этого богатства «приходит путем усвоения плодов других культур. Никто не хочет строить неприступные стены вокруг культуры, чтобы отрезать ее от мирового прогресса» (Милль, 1993, стр. 23). Тем не менее, в реальной жизни культурные контакты во многом обусловлены наличием сложных связей между отдельными социальными или этническими группами, их «притяжением - отталкиванием, общностью и различием исторических судеб, разноректорностью ценностных ориентаций» (Мурзина, 2003, стр. 16).

Культурное многообразие диктует необходимость выработки адекватных механизмов сосуществования. Только в этом случае концепт «свой – чужой» может стать культуурообразующим, т.е. формирующим современную культуру, так как соприкосновение с другой культурой в обязательном порядке приводит к выходу за границы установленной нормы, расширяя диапазон идентификации. Поэтому современное гетеротопное пространство не столько разделяет, сколько объединяет, «буквально навязывая контакты, предполагая через столкновение прийти к конструктивному культурному диалогу и взаимодействию» (Романова, Хлыщева, Якушенков, 2014, стр.74).

Жить в мире культурной гетеротопии, где постоянно происходит диффузия культур, достаточно проблемно. И понятно желание спрятаться за надежными защитными механизмами своей культуры. Именно поэтому иммигранты стараются как можно дольше сохранить привычный образ жизни. Тем не менее, опыт показывает, что невозможно «на чужой почве» (Thranhardt, 2012, p.150). сохранить свою культурную идентичность, она в любом случае деформируется и превращается «в некую версию культуры страны происхождения» (Thranhardt, 2012, p.151). По сути, происходит конструирование неких симулякров, плохо соотносимых даже с традиционными этническими паттернами.

Идентичность не является «статичной данностью» (Малахов, 2015, стр.17), она меняется под влиянием процессов адаптации и интеграции; социальных трансформаций и взаимодействий. Она и должна меняться, ибо «ненормально, когда идентичность застывает, не реагируя на вызовы времени» (Федоров, 2013). Каждый человек несет сегодня «целый портфель идентичностей» (Федоров, 2013) и пользуется ими по мере необходимости. В.С.Малахов считает, что границы между местными и приезжими могут смещаться, что

демонстрируют попытки «переопределить национальную идентичность». Это связано с конструктивистскими действиями по сохранению ядра идентичности неизменным с целью избежать «размывания» (Малахов, 2014, стр.83).

Восприятие, усвоение и адаптация другого культурного опыта может быть стимулом порождения новых культурных форм, а этническая идентичность является «ситуативным явлением, которое во многом зависит от свободной воли личности» (Тишков, 2010, стр.32) и может меняться в течение жизни. «Человек со множеством идентичностей легче адаптируется в обществе, лучше понимает людей из различных культурных групп, более толерантен к культурным различиям, не относится предвзято» (Дмитриев, 1999, стр.16). Тем не менее сегодня большая часть людей первичной считает все-таки этническую идентичность, которую каждый индивид несет с собой всю жизнь, четко зная, какая этническая культура ему ближе, пусть он даже по воле обстоятельств живет в другом месте.

Эти проблемы актуальны для России, у которой в постсоветском пространстве обнаружился дефицит действенной политики собственной идентичности. Активные поиски способствовали возрождению интереса к идеям «особого пути» для концептуализации постсоветской «русской идентичности». Большинство россиян до сих пор уверены, что «мы – не такие», а вот какие именно, сформулировать затрудняются. В этом наглядно просматривается размытая идентичность, условно называемая «постсоветской», в основе которой лежит выход за грань традиции, трансгрессия, ведущая к созданию новой гетеротопии и требующая особой стратегии культурной безопасности.

Общество не может быть стабильным и не может долго существовать, не развивая чувство идентичности у своих граждан, причем речь идет об идентичности не этнической и даже не основанной на общих культурных характеристиках, т. к. современное общество слишком разнообразно, но оно должно быть политическим и основываться на понимании, что ты являешься гражданином определенной страны. Поэтому восприятие, усвоение и адаптация другого культурного опыта является мощным стимулом порождения новых культурных форм. Именно на этом пути взаимодействия культур складывается общечеловеческая культура, единая и вместе с тем многообразная.

Список литературы

- Thranhardt, P. Ed. (2012) *Europe - a new immigration continent: Policies and politics in comparative perspective*. Hamburg: Lit.
- Wadron, J.(2000). What is Cosmopolitan? *The Journal of Political Philosophy*, 8(2), pp. 227-243.
- Ассман, А. (2017) *Распалась связь времен?* М.: Новое литературное обозрение.
- Бек, У. (2001) *Что такое глобализация?* М.:Прогресс-Традиция.
- Дмитриев, Г.Д. (1999). *Многокультурное образование*. М.1999.
- Костина, А.В. (2009) Кризисное состояние идентичности в современном мире: причины и предпосылки. *Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»*, 2009, 4, стр. 167-175.
- Малахов, В.С. (2015). *Интеграция мигрантов: концепции и практики*. М.: Мысль.
- Малахов, В.С. (2014). *Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций*. М.:Новое литературное обозрение.
- Мамонова, В.А. (2007) Глобализация в пространстве культуры: векторы развития. *Теоретический Интернет-журнал CREDO NEW*. URL: www.CredoNew.narod.ru
- Марков, А.В. (2018) *Постмодерн культуры и культура постмодерна*. М.:РИПОЛ классик.
- Милль, Дж. О свободе. *Наука и жизнь*, 1993, 11, стр. 10–15; 1993, 12, стр. 23.
- Мурзина, И.Я. (2003). *Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания*. Екатеринбург, 2003.
- Романова, А.П., Якушенков, С.Н., Хлыщева, Е.В. (2014). *Нижневолжский фронт: культурная память и культурное наследие*. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич.
- Романова, А.П., Хлыщева, Е.В., Якушенков, С.Н. (2013). *Чужой и культурная безопасность*. Москва:РОССПЭН.
- Салихов, Г. Г. (2011). Проблема идентичности в условиях глобализации. *Соционауки*, 1(7). Retrieved from <https://www.socionauki.ru/journal/>
- Смирнова, И.В.(2003). Факты и факторы культурного генезиса эпохи «пост»/*Антропологическое измерение глобализационных процессов*. Владимир.
- Тишков, В.А. (2010). *Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа*. СПб.

Федоров, В.(2013). *Российская идентичность и вызовы времени*. М.:ВЦИОМ. Retrieved from https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2014/

THE FRONTIER OF IDENTITIES: THE PROBLEM OF CULTURAL BORDERS

Khlyscheva E. V.

Khlyscheva Elena Vladislavovna, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20A Tatishcheva. E-mail: culture_mar@mail.ru

The article is devoted to the very important problem of cultural transformation of identity levels in the modern socio-cultural space. As a result of globalization processes, the traditional forms of identity are being blurred both at the individual and collective levels. We can see the formation of multiple, transcultural identity, which requiring the ability to freely maneuver among different cultural traditions.

The coexistence of traditional and post-industrial worldview violates the usual forms of ethno-cultural identity, casting doubt on the confidence in one's own security. Active international contacts make isolation policy impossible, however, different levels of social and economic development, different worldviews do not contribute to the creation of the union transcultural space where the global tendencies of social development and local features of the cultural dynamics should coexist peacefully. The formation of such a space is a long process based on the overcoming of national (ethnic) identities and proposing a new way of multiple identity - "at the exit from one's culture and at a crossroads with strangers", which manifest themselves in the most diverse forms caused by a civilizational stage of their evolution .

The article explores two opposing approaches: the preservation of traditionality outside the innovation space and the breaking of all traditional foundations. In the heterotopic space of modern society, the first approach is predominant for a number of reasons. The aspiration to preserve traditional culture contributes to the preservation of a traditional identity that does not correspond to the development of a postindustrial society. However, the heterotopic space of the frontier breaks the established stereotypes and constructs a new transcultural space that requires theoretical comprehension.

Keywords: frontier, heterotopy, transgression, cultural transformation, identity, deconstruction

References

- Thranhardt P. (ed.). (1992). *Europe-a new immigration continent: Policies and politics in comparative perspective*. Hamburg: Lit.
- Wadron, J.(2000). What is Cosmopolitan? *The Journal of Political Philosophy*, 8(2),. 227-243.

- Assman, A. (2017) *Did the connection of times break up?* Moscow: New literary review.
- Beck, W. (2001) *What is globalization?* Moscow: Progress-Tradition.
- Dmitriev, G.D. (1999). *Multicultural education*. Moscow. 1999.
- Kostina, A.V. (2009) Crisis of identity in the modern world: causes and assumptions. *Informational humanitarian portal "Knowledge. Understanding. Skill"*, 2009, 4, pp. 167-175.
- Malakhov, V.S. (2015). *Integration of migrants: concepts and practices*. Moscow: Thought.
- Malakhov, V.S. (2014). *Cultural differences and political boundaries in the era of global migration*. Moscow: A new literary review.
- Mamonova, V.A. (2007) Globalization in the space of culture: vectors of development. *Theoretical Internet-journal CREDO NEW*. Retrieved from www.CredoNew.narod.ru
- Markov, A.V. (2018). *Post-modern culture and postmodern culture*. Moscow: RIPOL classic.
- Mill, J. About Freedom. *Science and Life*, 1993, 11, pp. 10-15; 1993, 12, p. 23.
- Murzina, I.Ya. (2003). *Phenomenon of regional culture: the search for qualitative boundaries and the language of description*. Ekaterinburg, 2003.
- Romanova, A. P., Yakushenkov, S. N., Khlyshcheva, E.V. (2014). *Low Volga's frontier: cultural memory and cultural heritage*. Astrakhan: Publisher: Sorokin Roman Vasilievich.
- Romanova, A. P., Khlyshcheva, E.V., Yakushenkov, S.N. (2013). *Alien and cultural security*. Moscow: ROSSPEN.
- Salikhov, G. G. (2011). The problem of identity in the context of globalization. *Socioscience*, 1 (7). Retrieved from <https://www.socionauki.ru/journal/>
- Smirnova, IV (2003). Facts and factors of the cultural genesis of the "post" epoch . *Anthropological dimension of globalization processes*. Vladimir.
- Tishkov, V.A. (2010). *National identity and spiritual and cultural values of the Russian people*. St. Petersburg.
- Fedorov, V. (2013). *Russian identity and time challenges*. Moscow: VTsIOM. Retrieved from https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences.2014.

FOOD DIVIDENDS OF MIGRATION: AGENTS OF CROSS-BORDERNESS AND CULTURAL CONTINUITY

Tolstokorova A.V.

Alissa V. Tolstokorova, PhD, Associate Professor, Research expert, Independent
Analytical Centre, Kyiv, Ukraine, e-mail: alicetol@yahoo.com

The paper looks at the issue of food in connection with migration, taking Ukraine as the case in point. In so doing, it places emphasis on the role that food plays in the construction of migrants' cultural experiences both as a tool of adjustment to a foreign milieu abroad, that is *as an agent of cross-borderness*, and as a means that enables the maintenance of cultural continuity with the homeland. To address food and migration nexus and to interpret food experiences of Ukrainian labor migrants the Bourdieu's concept of non-monetary capitals is employed to set out *food capital* as the one in its own right. In the context of migration, food capital is conceived as resultant from the exchange of "cultural capitals" between migrants and locals, which endows *food dividends of migration, culinary and gastronomic dividends* among them, the latter being regarded as a ramification of *social dividends of migration*.

Key words: Ukrainian labor migrants, food capital, food dividends of migration, agents of cross-borderness.

Research problem and methodology of the study

In this paper, I look at the issue of food in connection with migration, taking Ukraine as the case in point. In so doing, I place emphasis on the role that food plays in the construction of migrants' cultural experiences both as a tool of adjustment to a foreign milieu abroad, that is *as an agent of cross-borderness*, and as a means that enables the maintenance of cultural continuity with the homeland.

The transnational space of Ukrainian labour migration covers a wide range of various economic, social, and cultural practices that link together sending and receiving societies making respective effects on both sides of migration circuits. In conditions of ethnic and cultural barriers arising from migration, issues of food, diet and cuisine perform multiple functions.

First, being an embodiment of a "form of deep memory" (Klindienst, 2006, p. 145), they serve as "agents of memory" (Diner, 2001, p. 8) enabling the symbolic reconstruction of the "whole world of home" (Sutton, 2000) and as "cultural sites" (Fog Olwig, Hastrup, 1997) which become points of identification for people displaced by migrations.

Second, they are critical as *agents of cross-borderness*, that is, for sustaining social, cultural and kinship connections with the homeland and for alleviating homesickness and nostalgia (Matt, 2007) caused by cultural

distance between the sending and receiving societies and enabling guest workers “to consider a supposedly simpler and better time” (Greene, 2008, p. 42) when they were at home vis-a-vis the uncertainty of *migrancy*¹.

Third, they are necessary for the construction of “otherness,” a factor that reinforces both the sense of group identity and collective belonging for migrants (Gasparetti, 2009; Ferrara, 2011; Meza, 2013) as well as the process of their acculturation and integration into hosting societies (Fischler, 1988; Lévi-Strauss, 1986; De Lesdain, 2002).

Fourth, migrants’ relocation to another country affects their social interactions in many ways, including the food they share within their families and with their friends. Their diets may change substantially in migration, which can have a tremendous impact on relationships with kith and kin left behind at home and on interactions within the transnational family space.

Last but not least, food and its related practices offer a window through which to examine the reconciliation of people’s localized and place-based intimate experiences with globalizing forces (Mata-Codesal, Abranches, 2017).

These complex, multidimensional and syncretic ties between migrancy and food are still not sufficiently conceptualized and, therefore, require more focused attention which explains the *social relevance of this study*.

Analytical framework of the research. To address food and migration nexus and to interpret food experiences of Ukrainian labor migrants abroad I employ the Bourdieu’s concept of non-monetary capitals (1986), and set out *food capital* as the one in its own right. I conceive it as the key analytical concepts to identify and interpret culinary, gastronomic, nutritional and other food experiences and practices of Ukrainian labour migrants in a foreign setting. These include the following issues:

- food status in migration (the degree of undernourishment or overeating, quality of food consumption by the individual (Manandhar et al., 2006, p. 19);
- food security (sufficiency of food and meals for an active and healthy life) (FAO, 2006, p. 1);
- taste autonomy (ability to follow one’s own taste preferences and to have access to culturally preferred food);
- possibilities for culinary and gastronomic self-representations (self-expression through food and gastronomic preferences, demonstration

¹ I refer to ‘migrancy’ rather than ‘migration’ as I am more concerned with travels abroad as a continuous process, a condition rather than a one-time phenomenon.

of culinary competences) vis-a-vis food deprivations (starvation, malnutrition, food insufficiency);

- eating exclusions (denial of the access to food and/or to individual or joint meals).

In the context of migration, I conceive food capital as resultant from the exchange of “cultural capitals” between migrants and locals which may endow to the former *food dividends of migration*, “culinary and gastronomic dividends” (Tolstokorova, 2016) among them. I regard the latter as a ramification of “social dividends of migration”¹ (Tolstokorova, 2013) understood as an added value of migratory experience in the form of individual non-monetary accumulations (social, ethic, cultural and esthetic, educational, civic, etc.) used by migrants for their own personal development and wellbeing. Respectively, I argue that *food dividends of migration* serve as an embodiment of new food-related experiences of guest workers enabled by the access to foreign food cultures through their migrancy and cross-borderness. As my field research showed, food dividends of migration may have both positive and negative implications for Ukrainians working abroad.

With this in mind, the *main goal of this paper* is to analyze the socio-cultural significance of food capital for Ukrainian labour migrants during their work abroad, placing special emphasis on the instrumentality of food dividends of migration and foreign experience as agents of cross-borderness, memory and cultural continuity. I argue that the social, and sometimes even the economic, implications of food capital of migration are both place-driven and are dependent on the geographic terrain of their investment; that is, whether they are used at home or abroad.

Methodology of the study. The findings herein draw on the results of a multi-staged field research, which encompassed non-participant observation, interviews and two focus group discussions with current and returnee migrants and members of their families, as well as interviews and two focus group discussions with experts.

In-depth interviewing and two focus groups discussions with 25 experts in issues of migration, gender and social policy was conducted in 2008 in Kyiv and Lviv together with British and Italian scholars for the project “Care-work and Welfare Internationalization: Transnational Scenarios and Prospects for the Future”, carried out by CeSPI (Rome, Italy). Experts included NGO activists, journalists, researchers at research institutions and think-tanks, policy-makers at ministries, municipalities,

¹ Social dividends of migration include such varieties as: social, ethic, cultural and aesthetic, educational, civic (Tolstokorova, 2013), gastronomic and culinary (Tolstokorova, 2016), medical and sanitary-hygienic (Tolstokorova, 2017), etc. used by migrants for the benefit of their personal development and wellbeing.

employment centres, embassies, and representatives of international organizations, such as International Organization for Migration and Amnesty International.

Interviewing of the target group of responders covered 43 Ukrainian labour migrants working in low-cost labour, members of their families and extended migrants' informal networks, mainly in urban communities (neighbors, relatives, co-workers). Among our responders were returnees and current migrants, that is, those who came home visiting from countries of work and circular migrants who temporarily stayed in Ukraine in-between voyages for employment abroad. Additionally, the group of responders included Ukrainian women involved in *au-pair* work in Austria and Germany.

In Ukraine, interviews were taken in Kherson, Kirovograd, Kyiv and small towns of Kherson oblast. Others were interviewed in the countries of work (Italy, Germany, Austria, France) or on board of a plane, at the airports lounges and in the airport shuttle buses during the author's international travels for academic gatherings abroad.

Additionally, two focus groups were organized with members of transnational families, including both migrants who came home visiting and their relatives left behind at home. Interviewing was drawing on a semi-structured questionnaire with open-ended questions, aimed to cover different stages of the migration cycle.

The interviewing process started with existing contacts with migrants and their families and in many cases followed with a snowball sampling method whereby new respondents were contacted through preceding respondents. Occasional meetings with potential responders were also welcome. Interviews were carried out in Ukrainian and Russian, but five experts, mainly international, were interviewed in English. Interviewing was made under the condition that real identities of the responders would not be disclosed in order to maintain their privacy. For that matter names of informants in this text were changed.

Results of non-participant observation represent a generalization of the author's experience of socialization among the target groups of responders. The data of field research were supplemented by the analysis of secondary theoretical sources and media overview.

This paper is a part of a larger multi-sited ongoing project with an overarching theme of gendered dimension of labour migration from Ukraine. Initially, the significance of food in migrants' daily life during their work abroad was not in the focus of this research. Yet, interviews showed that food, meals, diet and cuisine were among the key issues in migrants' narratives about their experiences in hosting societies. This prompted the need to pay closer attention to their analysis to be able to

better understand the social context and cultural semantics of existential aspects of migrants' foreign habitus.

The analysis in this paper is designed in the following format: first I cast light on positive food dividends of migration manifesting themselves by way of rising standards of food consumption due to migrancy. Then I analyze negative food dividends in migration secured due to the forfeiture of food capital. In the end I draw conclusions making emphasis on the *emotional fee*, which Ukrainian migrants pay for the benefits of their cross-border status.

Positive food dividends of migration: rising standards of food consumption due to migrancy

It has been argued that migrants change their food habits and priorities slower than other aspects of cultural life (Shiels, 2004). Although this might be true for some ethnic groups, the data from interviews in this study demonstrate that being abroad, Ukrainian guest workers are prone to master new standards and norms of food consumption. This stance is exemplified by the experience of Anastasia working in the service sector in Monaco:

“Our employer takes care for us to have good food. We have no grounds to complain. I am happy about all that I have. I had an opportunity to taste quite a few delicacies, those I could not even dream about at home. For instance, sea food which I cannot afford at home, although I live in Evpatoria <on the sea shore>. You see, here I can afford all these oysters and shrimps and even lobsters. During weekends, I go to the main street with other girls, and we go to Niece time and again, we go sightseeing, we go to excursions, to restaurants and we also buy goodies of all sorts. Oh, no, I have no problems with food.”

The significance of mastering the patterns of food consumption of the hosting society to increase one's own food standards was underscored by Anton, a professional marine cook, who worked with a team of Ukrainian builders in Portugal. During his sojourn there, he mastered some culinary secrets of local Portuguese ethnic cuisine, as he reveals:

“What I enjoyed in Portugal, is their cuisine. As first, it does not differ much from ours. In fact, they eat the same stuff as we do. Well, of course, they have some unique ethnic dishes, but this is mainly for holidays, but at work they had their meals together with us and had the same food as we did. They do not favor to all these porridges, noodles, all these pastas which we are used to. No. Their meal is very simple and healthy. For lunch, there is a huge piece of meat, the size of this plate, here. And lots of vegetables, stewed or boiled. And of course, a glass of wine is also welcome, if you wish. Meat is cheap there, not like here. And

wine is cheap. Have as much of it as you can. Ideal food for a male. It's nourishing, healthy and not heavy. Nothing is surplus and easy to cook. Good enough for a working man, for physical work."

A responder Inna assessed her high food status which she could afford due to her work as a domestic carer in Italy as a "ray of hope in the kingdom of darkness". When she was asked about her positive experience of migrancy, she replied:

"What is good here? Nothing is good. Sobbing from morning till night - this is what women have here. Because you have to toil as a workhorse and have no time for yourself, but only.... who cares? The only "ray of hope in the kingdom of darkness" it the payout day. It's only then that you can enjoy yourself. Then you just go shopping and relax. Then, in the evening, you can afford having your stomach full and maybe even have a small drink, just to warm your soul. And money... They vanish so quickly. So that your bliss lasts no more than one day and the next morning – you are on the ward again and all starts afresh. Again you are sobbing from morning till night, but so that nobody sees you in that condition."

For an ex-postgraduate student Larissa, the opportunity to augment her food status was the main argument in her decision to seek job in the UK where she studied at language courses. While studying in London she was moonlighting as a cleaner in a posh quarter of the British capital to be able to cover her travel and housing expenses and the course fee. After a while, she decided to overstay for some time to earn some more money necessary for her postgraduate studies. As a result, she made a decision not to come back home, but instead to remain living abroad, as she maintains:

"Yes, of course, it's true that this is not a high-status job. Can't even fancy myself at this position at home. But on the other hand, how much could I afford at home, being an assistant lecturer at the University? To count pennies and to economize your whole life at everything? But I had to take care to look well at lectures where so many eyes stare at you! But my salary and my Mom's retirement allowance, they were insufficient even to pay the rent and we had to take care not to kick the bucket from starvation. But here I do not limit myself in anything. Should I wish to have these... Gosh, what are they called in Russian? Oh, yah, I mean, shrimps, - no problem. Want to have olive oil – here you go. Fresh fruits and vegetables are available all along the winter - welcome to eat as much as you can. Could I afford all this at home? But here I have no headache in what concerns food. I earn enough to afford whatever I might wish".

The data of interviewing align with the data of media overview. Thus, a newspaper article by Srelkova (2006) mentions a migrant woman Galya, who proudly confirms that both her social and food status rose considerably due to her work in Italy:

“What did I see there, in my Podgorye village? Cows and kitchen gardens... And this is it, it’s all I had from morning till night. But here I have a shower twice a day and for dinner have not potatoes with lard but fruits. And I can afford all that I want.”

Thus, the opportunity to gain food security and to increase one’s food status may not only serve as the decisive factors underpinning migratory decisions, but may even outwait the loss of social status resultant from migration. To put it otherwise, the access to quality food consumption may have for migrants the significance of Bourdieu’s “symbolic capital” which ensures the rate of food consumption equal to that of middle class and compensating migrants’ poor status on the labour market of a low paid work force.

As my field research showed, Ukrainian migrants regard their work abroad not only as a strategy to secure economic and material wellbeing, but also as a possibility to see the world, to access new standards of life, to rise their awareness about foreign cultures. Thus, for women positive food dividends of migration consisted in a possibility to learn the ethnic culture and traditions of food, eating and meals at hosting societies, to master advanced technologies of household management, to get in command of new ways of procession, cooking and consumption of traditional meals and to enjoy “exotic” cuisines. This is brilliantly portrayed in the books by Ukrainian migrant women and writers, such as Oxana Drachkovs’ka (2008), a child-carer in Spain and Natalya Zgod’ko (2013), a domestic worker in Italy and a former school principal. Both these women-authors and my informants underscored the significance of their new food capital earned abroad for their social and feminine status.

This often entailed the perfection of women’s cooking standards and eating habits. Respectively, these gains increased their “gastronomic capital” which I understand as a spectrum of taste sensualities, *la palette des goûts* of a person gained through a variety of gastronomic experiences due to the access to different food cultures, ethnic cuisines, culinary arts (especially exquisite and outlandish) (Tolstokorova, 2016, p. 73). An informant Polina intimated a story of earning her own *food dividends* while working as a domestic in Italy:

“At first, when I was laying the table together with my woman-employer, I took some things very personally, because they were bizarre to me. Say, I did not know what to answer when she asked me if 100 grams of spaghetti was enough for me for lunch. How could I know? I have never measured it that way. I used to measure it by a spoon... I was bewildered. You see, before boiling spaghetti she was making sure not to put in the pot more food than was necessary to have no leftovers! But how could I know how much exactly I needed not to feel hungry? We are not used to such

things in Ukraine. At home I never weight food before cooking... If there are leftovers after lunch or dinner, I keep them in the fridge and next time just heat them before eating and do not bother over fresh meals. Well, I tell her: "OK, let it be 100 grams". But when she fixed it I realized that it was too few! I had to leave the table being hungry! Yet, I was too shy to ask for another helping. Gosh! What a greedy person! Counting every piece of spaghetti! But later I understood that it was not her greed, but a culinary tradition. Their rule is that the food has to be eaten FRESH ONLY! No leftovers, no heating! <..> This is what I learned from her. And although it is a long time since I had moved away from her, I weight spaghetti before I cook":

An observation of this sort was also made by the above-mentioned Ivan. His experience of food deprivation, paradoxically, enabled him to gain his food dividends via the increase of food consumption standards:

"You see, they (locals) chuck away quite good stuff <....> It turned out that they never consume leftovers. As soon as food expires, it immediately goes to the trash-bin. Even if it is only one day overdue, they will never fix it. At first it was just fun for us— ha, these suckers, they don't know how to make sense of life! But then we got used to it, just accepted it. Now, if some food is not real fresh, we get rid of it too."

These interviews are indicative of positive cultural implications of even precarious food dividends gained abroad as long as they serve to awareness-raising about high standards and norms of food consumption that eventually incur *positive food dividends* enabling migrants to improve their nutrition status.

Forfeiture of food capital: negative food dividends in migration

One of the most challenging issue for migrants, refugees, and other geographically displaced people is the ability to access familiar and culturally acceptable or preferable foods - because of availability and accessibility due to cost, transportation, language proficiency, etc. (Bose, Laramee, 2011; Vahabi, Damba, 2013). According to the data of sociological polls, 36.1% of young Ukrainians, who had the experience of working abroad, had no opportunities to have food that matched their requirements and preferences (MUFCbY, 2004, p. 82). Quite a few informants intimated that they had experienced dearth of foods and socio-cultural food deprivations. This experience was especially common at the initial stage of their migration cycle. This was the case with Ivan, who had left for earnings to Portugal in the early 1990s with a group of Ukrainian guest workers. For a travel by a shuttle bus, he needed at least \$400 to cover travel expenses and lodging upon arrival. To secure this sum, the family had to sell out all the valuables they owned. On the way to the place

of destination, the shuttle bus was attacked by robbers and the travelers were left not only penniless, but even without any food and warm clothes. Upon arrival, Ukrainians had to work without remuneration throughout the first month to be able to pay their rent. As a result, they had no money for food. Struggling with starvation, guest workers had to pick up food leavings from trash bins. As he recalls:

“During the first week there, when I was walking to my job place... there were trash bins all along. So, what would you do if you were as hungry as a wolf? Here you pick up a piece of bread, there you pick up something else, in trash bins. And you know, it was a good idea, it saved me from starvation. Sometimes I even had my belly full! But I did not pick up inedible food, no! I could not afford abasing myself that way.... Say, once I found a full package of steaks, unpacked. Oh, what a luck! Why is it here? Perhaps it expired and she got rid of it?! I tasted it and it was all right! Very delicious! That day I stuffed myself real full!”

An example of positive cultural implications associated with precarious food experience abroad is the story told by Oleg, who was traveling in search for work across Southern Europe for over a year. During his pilgrimage, he often had no place to stay overnight, and had to sleep in parks, churchyards, or railway stations, either with empty stomach or stilling hunger by leavings from trash bins. Revealed through Oleg's own words, this salient experience of residential and food deprivation strengthened his will-power and enabled him to secure survival skills, necessary in his struggle for his own place under the Sun. Eventually, he found work in Australia and, soon, his family rejoined with him in Sydney. In his interview, he underlined that he was proud to discover new strengths in himself, which allowed him to overcome all of the constraints on his way to success and to secure a quality education and a happy future for his daughter in Australia.

Women had their own stories of negative food dividends in the form of food deprivations, although most of them worked and lived in families, not on streets as some men. This was showcased by both current field research and by other studies (Degiuli, 2007). Thus, an informant Natalya worked as a domestic carer in Greece and, in compliance with her contract, had full board and lodging in the employer's house. Although she was happy about her food and found it delicious and even exotic, in fact her diet contained mainly vegetables and fruit. But it lacked meat, fish, dairy products and even bakery, because her employer was reluctant to spend money on her food. In conditions of hard physical work, a lack of proteins in this woman's diet resulted in undernourishment, frequent fainting, and weight loss of over 40 pounds throughout two years of work. Likewise, an informant Lena, as her brother intimated, *“left to Italy as a well-fed woman*

in her full health, but came back home looking as a scraggy teenager". Another interviewee, Larissa, recalled that when she came back home from earnings in Italy, she looked so exhausted, skinny, and had aged and changed so much, that she was not identified as the owner of her own passport, being accused of using forged papers. It was only after her relatives and friends had confirmed her identity to the authorities, that she was recognized as the owner of her papers.

In many instances women faced limitations to their natural right to food autonomy when they were required by employers to accept the eating habits of the hosting families and were not allowed to cook for themselves or even to keep the food of their own choice in the house. These situations confirm the argument by Sollund that the option to choose for oneself what and when to eat that most adults take for granted, may be severely restricted for people living under the control of others and thus may become a topic for attention, reflection and loss for people who unexpectedly find themselves deprived of this right (Sollund 2012, p. 78).

Thus, at the stage of non-participant observation, an informant Mila told me a story about a woman who had to come back from earnings in the USA, because she had lost her job as a result of an attempt to cook meals for herself in the employer's house. She was invited to work as a domestic by her employer on the condition that she would not have her own meals. Her employer, an elderly affluent woman, could not tolerate the smell of food in her house and preferred eating out. For a woman-domestic the lack of a possibility to cook for herself and to have the food of her own choice was a challenge, considering that she could not join her employer for meals, and had to eat only what the former gave her for meals. Being nostalgic for her favourite Ukrainian food, the woman sometimes fixed her own meals, while her employer was away from home, trying not to leave any signs of her *secret culinary* ventures. Yet, once her employer came back home unexpectedly and smelled the food which her servant has just finished cooking. After a fierce confrontation, Mila was fired. Having neither residence permit, nor friends in the country, she had to come back home practically penniless. This situation evidences that the issue of food is indicative of absence of employers' proneness to perceive domestic workers as human beings with their own existential needs (Hondagneu-Sotello, 2007). Migrant women themselves interpret it as an infringement on their personal autonomy, as was showcased by Degiuli (2007, p. 199):

"I worked for the same family for seven years, mostly to take care of the wife, but she passed away. The husband keeps reducing my hours because he feels that he doesn't need me as much, but the thing I really don't like is the fact that he keeps insisting that we eat together at lunch, but he doesn't pay me for that time and I don't think it's right. I loved to

work for his wife, because she treated me so well, she treated me like a relative, more as if she was my mother, but with the husband it's not the same" (Lucha, a 51-year-old Peruvian woman).

This confirms the hypothesis that the feeling of hunger is not always due to the lack of food, but rather the feeling of detachment that migration may induce (Sollund, 2012, p. 79). This also showcases that food may operate as a nonverbal means of communication in conjunction with both verbal aspects of dining and various contexts of eating and may be used to influence others by signifying meanings (Greene, 2008, p. 34).

Tamara, a live-in caregiver for an elderly man in an Italian family and a part-time cleaner, also had the experience of food deprivation because her employer did not welcome her own food in the house and her cooking for herself. Tamara could only share meals with the old man for whom she was providing care. The woman conceived this situation as denigrating for herself, when she explains:

"Of course, I am happy to be able to taste Italian food and to learn cooking Italian cuisine, but my employer says that I may have meals only with the family or with my elderly client. I mean, I may eat as much as I can, but only together with them and only what they have, but cannot have my own food, the food of my choice. They were not happy when they saw me having snacks between meals. But, you know, I am used to eat whenever I want and whatever I want. So, it happens that, say, at lunchtime I don't want to eat but a couple of hours later I feel hungry. In such cases what I do is just pick up a slice of bread or a piece of banana from the table, stuck it in my pocket, then find an excuse to sneak into my room and swallow it there. And sob bitterly while eating".

This interview showcases that, while for some employers the invitation to share meals is considered a convivial gesture and an attempt to break down the barriers between employers and employees, for others it may be a way to control and determine what the employee can eat and when (Degiuli, 2007, p. 200). Even when the invitation to share family meals is sincere, and is not mandatory, it is may be perceived by servants as an attempt of employers to exercise control over them (Búriková, Miller, 2010) and may entail collisions (Sollund, 2012). Migrant women overcome them by exerting strategies and tactics of resistance to limitations on their food autonomy. One example of the *conspiracy tactics* used by migrants was related by Ludmila, a domestic worker in Italy, who told a story of her Ukrainian friend Lena. According to Ludmila,

"She (Lena) said that her employer did not allow her to keep her own food in the house. But she was young, you know, and often craved the traditional food she used to have at home. So, she would go to those vans, you know, where they sell Ukrainian food to our people here and buy

something that Italians don't have. Back in the employer's house, she would go to the bathroom, turn on the water loud so that her family thought she was taking a bath, but instead she would gulp the food down. To keep it secret, before leaving the bathroom she would hide the tins or the wrappers of the food at the bottom of the trash-bin so that the family would not see anything, because otherwise she would have had a real trouble!" (Tolstokorova, 2016, p. 75-76):

Hence, food deprivation *per se*, and the attitude to it by live-in migrant women, is indicative of the quality of social relations in the employer's house as a site of work. In conditions of multidimensional hierarchical nature of labour relations the situation of food deprivation may entail respective resistance strategies by women-domestics. This stance was confirmed by the materials of Ukrainian media (Medvedeva, 2013):

"Once, my brother's wife, she worked in the estate of rich people, was leaving home for vacations and invited me to take over her place to work for them. She fetched me to an old Italian man. He told me: "I will give you a bowl of soup and housing. The rest is your responsibility". But the wage had to arrive only after a month! How could I survive till that time? He did not give me even a piece of bread and I was starving. Well, I had to pick up a piece of bread or something, then sneak to the toilet and swallow it there. Yet, I repented that and then confessed to my pastor in the church how bad it feels to turn into a thief at my age. But otherwise I would collapse from starvation!..." (Maria, a domestic worker in Italy).

The above two interviews are illustrative of the observation that some categories of migrant communities, in particular women-domestics, living under the watchful eyes of their employers, are especially vulnerable to the experience of migratory loss. When the challenge of migration is combined with moving into someone else's house, wherein the person finds herself in a mixed set of unclear roles: as a guest, as a fictive family member and as an employee, this challenge is likely to aggravate (Sollund, 2012, p. 78).

Conclusion

As this study suggests, the experience of foreign food, diet and cuisine acquired during their work abroad acquires for migrants the significance of agents of cross-borderness and cultural continuity. For one, it epitomizes the "imaginary West" (Yurchak, 2006), brought to them through western goods, popular culture and "foodsapes" (Carolan, 2017). For the other, it serves not only to mark boundaries and frontiers of identity, but also to reconnect with the past and across spaces and places, that is, with an "imagined home". Even more than that, food – as a carrier of tradition, nostalgia, and identity – connects people to place in both old

ways and new (Bose, Laramée, undated, p. 2), that is, it connects migrants to both their new home abroad and their old home in the country of origin.

The research reveals that migrants may have both positive and negative experiences connected to their foodways when they work abroad. Respectively, they may earn both positive and negative *food dividends of migration*. Many Ukrainians valued a cognitive aspect of their sojourn abroad for a possibility to familiarize themselves with food cultures of their recipient societies, others appreciated the opportunity to improve their norms and standards of food consumption, to gain food dividends through new culinary skills and competences and gastronomic practices. Despite that, some of them, when they worked abroad confronted food deprivations. These could be physiological, that is, in the form of undernourishment or even starvation, dearth of healthy, safe, nutritious and culturally-acceptable food, etc. They could also be socio-cultural, that is, in the form of limitations to their food autonomy and control of their food consumption and preferences by employers.

Some migrants conceived these challenges as an unavoidable *emotional fee*, which they had to pay for the financial and material benefits that they secured due to foreign employment. Others regarded them as a manifestation of social inequalities pertaining to labor relations on the migrant labor market and considered them as a temporal nuisance, which can be confronted by patience and endurance. For some others, these impediments signified the humiliation of their subordinate position in social hierarchies and they refused to accept by them creating non-conflict strategies and tactics of resistance, which enables them to preserve human dignity and personal autonomy.

The research also revealed some gender specificities in migrants' food dividends. For example, what mattered more for women were their *culinary dividends*. Some women acquired them in the countries of work in the form of learning new skills and ways of cooking ethnic cuisines of the hosting cultures. Conversely, other women managed to expose their own "culinary capital" brought from Ukraine to native populations in recipient societies which secured them new social and even financial capital in countries of work. Some Ukrainian men also received *food dividends* by mastering the basics of gastronomic cultures of hosting societies and trying to invest them into their own businesses at home. But if in the countries of work their ventures were likely to succeed, in Ukraine, migrants could not find possibilities for the investment of their food dividends. This suggests that the socio-cultural value of migrants' food capital and respective food dividends of migration are pinned on place, i.e. the locale where they are invested – in the recipient society or at home. As follows from the results of this field research, food dividends of migration may be productive in the

countries of work , but they are not always valued at home and returnee workers face tangible constraints trying to use them in Ukraine.

References:

- Bose, P., Laramée, A. (2011). Taste of Home: Migration, Food and Belonging in a Changing Vermont. *Opportunities for Agriculture Working Paper Series*, vol. 2 (4).
- Bourdieu, P. (1986). *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*. London: Routledge.
- Búriková, Z., Miller, D. (2010). *Au Pair*. Cambridge: Polity Press.
- Carolan, M.S. (2017). *No One Eats Alone: Food as Social Enterprise*. Washington, Covelo, London: Island Press.
- Degiuli, F. (2007) A Job with No Boundaries: Home Eldercare Work in Italy, *European Journal of Women's Studies*, vol. 14 (3), pp. 193-207.
- De Lesdain, S.B. (2002). Alimentation et migration, une définition spatiale. In: Eds. I. Garabua-Moussaoui, E. Palomares, D. Desjeux. *Alimentations contemporaines*, pp. 173-189. Paris: L'Harmattan.
- Diner, H.R. (2001). *Hungering for America: Italian, Irish, and Jewish Foodways in the Age of Migration*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Drachkovs'ka, O. (2008). *Nyan'ka-nen'ka (zi schodennyka zarobitchanky) (Nanny-Mommy (from a dairy of a migrant woman))*. Lviv: Kalvaria, 2008.
- FAO (2006). *Food Security. Policy Brief*. Issue 2. United Nations Food and Agriculture Organization.
- Ferrara, M. (2011). *Food, Migration, and Identity. Halal food and Muslim immigrants in Italy*. MA thesis, University of Kansas.
- Fischler, C. (1988). Food, Self and Identity. *Social Science Information*, 27, pp. 275-293.
- Fog Olwig, K., Hastrup, K. (eds). (1997) *Siting Culture: The shifting anthropological object*. London: Routledge.
- Gasparetti, F. (2009). *The cultural meaning of food and its polyvalent role in the construction of identity among Senegalese migrants in Italy*. "Food and Migration" workshop. School of Oriental and African Studies, University of London, February 2-3, 2009.
- Greene, C. (2008P). "Shopping for What Never Was. The Rhetoric of Food, Social Style and Nostalgia." In: Ed. L.C. Ruben. *Food for Thought: Essays on Eating and Culture*, pp. 31-48. York, PA: McFarland.

- Hondagneu-Sotelo, P. (2007). *Domestica: Immigrant Workers Cleaning and Caring in the Shadows of Affluence*. University of California Press.
- Manandhar, M., Share, M., Frie, Sh., Walsh, O., Hardy, F. (2006). *Food, Nutrition and Poverty Among Asylum-Seekers in North-West Ireland*. Combat Poverty Agency. National University of Ireland, Galway. Working Paper Series 06/01.
- Klindienst, P. (2006). *The Earth Knows My Name: Food, Culture, and Sustainability in the Gardens of Ethnic Americans*. Boston: Beacon Press.
- Lévi-Strauss, C. (1966). *The Raw and the Cooked: Introduction to a Science of Mythology*. London: Penguin Books.
- Mata-Codesal, D., Abranches, M. (2017). *Food Parcels in International Migration: Intimate Connections*. London: Palgrave MacMillan.
- Matt, S. J. (2007) A hunger for home: homesickness and food in a global consumer society. *The Journal of American Culture*, 30, pp. 6-17.
- Medevedeva A. Prityazhenya bol'she net. Chto gonit nashyh zarobitchan iz Itali? (There is no attraction any more... What chases out our "zarobitchany" away from Italy?) *Reporter*, 21.11.2013. Retrieved from <http://reporter.vesti-ukr.com/25210-pritjazhenja-bolshe-net#.VHI99NKsVKY>>.
- Meza, C. M. P. (2013). *Transnational identity, food and community: The role of women in cultural continuity and resistance*. PhD dissertation. Ames, Iowa: Iowa State University.
- MUFChY (2004). *Osoblyvosti zovnishnyoi trudovoi migracii molodi u suchasnyh umovah (Specificities of external labour migration of youth in current conditions)*. Kyiv: Ministry of Ukraine for Family, Children and Youth.
- Shiels, J. (2004). *Cooking stories*. Victoria, Australia: The Immigration Museum.
- Sollund, R.A. (2012). Chapter 5. The Essence of Food and Gender and the Embodiment of Migration. *Advances in Ecopolitics*. In: Ed. R.A. Sollund. *Transnational Migration, Gender and Rights*, vol. 10, pp. 77-98. Emerald Group Publishing Ltd.
- Strelkova, N. (2006). Til'ky Ukrain's'ka zhinka zmozhe pidnayty krayinu. Popelyushky z Neapolya dovodayd' tse svoim cholovikam vzhe 15 rokiv (Only a Ukrainian woman can raise the country up. "Cinderellas" from Naples have been proving this to their husbands for over 15 years. *Daily digest "Channel 33"*, 21.06.2006. Retrieved from <http://tviybiznes.com/main/news2/163483>

- Sutton, D. E. (2000). Whole Foods: Revitalization through everyday synesthetic experience.” *Anthropology and Humanism* 25 (2), pp. 120–130.
- Tolstokorova, A. (2017). Sanitary-hygienic and medical dividends as varieties of social dividends of labour migration in issues of health. *Medical Anthropology and Bioethics*, No 1 (13), 2017. Retrieved from http://www.medanthro.ru/?page_id=309
- Tolstokorova, A. (2016). “To You it Shall be For Meat”: A Transcultural Perspective on Foodways of Ukrainian Transnational Migrants. *The TRANSverse Journal*, issue 15 “The Food Issue/ La bouffe en question”, pp. 70-91.
- Tolstokorova, A. (2013). Social Dividends of Migrants: The case of Ukrainian transnational migration.” *Journal of Social Policy* 6 (10), pp.147-196. Retrieved from www.fzf.ukim.edu.mk/files/00doktorski/Socijalna_politika-Revija_10.pdf
- Vahabi, M., Damba, C. (2013). Perceived Barriers in Accessing Food Among Recent Latin American Immigrants in Toronto. *International Journal for Equity in Health*, 12 (1), pp. 1-11.
- Yurchak, A. (2006). *Everything was Forever, Until it was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton University Press.
- Zgod'ko N. (2013). *NEItalyanka v Italii (A Non-Italian Woman in Italy)*. Toronto: Altaspera Publishing & Literary Agency.

ПИЩЕВЫЕ ДИВИДЕНДЫ МИГРАЦИИ: АГЕНТЫ ТРАНСГРАНИЧНОСТИ И КУЛЬТУРНОГО КОНТИНУУМА

Толстокорова А.В.

Толстокорова Алиса Валерьевна, канд. филол. наук, доцент, научный эксперт, Независимый аналитический центр, Киев, Украина, e-mail: alictol@yahoo.com

В статье рассматривается малоизученная тема пищевых практик трудовых мигрантов. Она анализируется в контексте трудовой миграции из Украины. Основное внимание уделяется роли питания и пищи в адаптации мигрантов к новому окружению за рубежом, после пересечения государственных границ, т. е. в их функции как «агентов трансграничности», а также как средства, позволяющего сохранять культурную связь с родиной. При этом в качестве концептуальной основы используется теория немонетарных капиталов Пьера Бурдьё, на основе которой выделяется «пищевой капитал» как одна их разновидностей немонетарных капиталов. Предполагается, что в контексте миграции этот вид капитала является результатом культурного обмена между мигрантами и местным населением принимающих стран, что приносит

мигрантам соответствующие «пищевые дивиденды миграции», в том числе кулинарные и гастрономические дивиденды. Последние, в свою очередь, являются разновидностями выделенных автором ранее социальных дивидендов миграции.

Ключевые слова: украинская трудовая миграция, пищевой капитал, пищевые дивиденды миграции, агенты трансграничности.

Список литературы

- Bose, P., Laramee, A. (2011). *Taste of Home: Migration, Food and Belonging in a Changing Vermont. Opportunities for Agriculture Working Paper Series*, vol. 2 (4).
- Bourdieu, P. (1986). *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*. London: Routledge.
- Búriková, Z., Miller, D. (2010). *Au Pair*. Cambridge: Polity Press.
- Carolan, M.S. (2017). *No One Eats Alone: Food as Social Enterprise*. Washington, Covelo, London: Island Press.
- Degiuli, F. (2007) A Job with No Boundaries: Home Eldercare Work in Italy, *European Journal of Women's Studies*, vol. 14 (3), pp. 193-207.
- De Lesdain, S.B. (2002). Alimentation et migration, une définition spatiale. In: Eds. I. Garabua-Moussaoui, E. Palomares, D. Desjeux. *Alimentations contemporaines*, pp. 173-189. Paris: L'Harmattan.
- Diner, H.R. (2001). *Hungering for America: Italian, Irish, and Jewish Foodways in the Age of Migration*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.
- Драчковська, О. (2008) *Нянька-ненька. Зі щоденника заробітчанки*. Львів: Кальварія
- FAO (2006). *Food Security. Policy Brief*. Issue 2. United Nations Food and Agriculture Organization.
- Ferrara, M. (2011). *Food, Migration, and Identity. Halal food and Muslim immigrants in Italy*. MA thesis, University of Kansas.
- Fischler, C. (1988). Food, Self and Identity. *Social Science Information*, 27, pp. 275-293.
- Fog Olwig, K., Hastrup, K. (eds). (1997) *Siting Culture: The shifting anthropological object*. London: Routledge.
- Gasparetti, F. (2009). *The cultural meaning of food and its polyvalent role in the construction of identity among Senegalese migrants in Italy*. "Food and Migration" workshop. School of Oriental and African Studies, University of London, February 2-3, 2009.

- Greene, C. (2008P). "Shopping for What Never Was. The Rhetoric of Food, Social Style and Nostalgia." In: Ed. L.C. Ruben. *Food for Thought: Essays on Eating and Culture*, pp. 31-48. York, PA: McFarland.
- Hondagneu-Sotelo, P. (2007). *Domestica: Immigrant Workers Cleaning and Caring in the Shadows of Affluence*. University of California Press.
- Manandhar, M., Share, M., Frie, Sh., Walsh, O., Hardy, F. (2006). *Food, Nutrition and Poverty Among Asylum-Seekers in North-West Ireland. Combat Poverty Agency*. National University of Ireland, Galway. Working Paper Series 06/01.
- Klindienst, P. (2006). *The Earth Knows My Name: Food, Culture, and Sustainability in the Gardens of Ethnic Americans*. Boston: Beacon Press.
- Lévi-Strauss, C. (1966). *The Raw and the Cooked: Introduction to a Science of Mythology*. London: Penguin Books.
- Mata-Codesal, D., Abranches, M. (2017). *Food Parcels in International Migration: Intimate Connections*. London: Palgrave MacMillan.
- Matt, S. J. (2007) A hunger for home: homesickness and food in a global consumer society. *The Journal of American Culture*, 30, pp. 6-17.
- Медведева, А. (2013). *Притяженья больше нет: что гонит наших заробитчан из Италії*. Retrieved from <http://reporter.vestiu-ukr.com/25210-pritjazhenja-bolshe-net#.VHI99NKsVKY>
- Meza, C. M. P. (2013). *Transnational identity, food and community: The role of women in cultural continuity and resistance*. PhD dissertation. Ames, Iowa: Iowa State University.
- MUFChY (2004). *Specificities of external labour migration of youth in current conditions*. Kyiv: Ministry of Ukraine for Family, Children and Youth.
- Shiels, J. (2004). *Cooking stories*. Victoria, Australia: The Immigration Museum.
- Sollund, R.A. (2012). Chapter 5. The Essence of Food and Gender and the Embodiment of Migration. *Advances in Ecopolitics*. In: Ed. R.A. Sollund. *Transnational Migration, Gender and Rights*, vol. 10, pp. 77-98. Emerald Group Publishing Ltd.
- Strelkova, N. (2006). Only a Ukrainian woman can raise the country up. "Cinderellas" from Naples have been proving this to their husbands for over 15 years. *Daily digest "Channel 33"*, Retrieved from <http://tviybiznes.com/main/news2/163483>>.
- Sutton, D. E. (2000). Whole Foods: Revitalization through everyday synesthetic experience." *Anthropology and Humanism* 25 (2), pp. 120–130.

- Tolstokorova, A. (2017). Sanitary-hygienic and medical dividends as varieties of social dividends of labour migration in issues of health. *Medical Anthropology and Bioethics*, No 1 (13), 2017. Retrieved from http://www.medanthro.ru/?page_id=309
- Tolstokorova, A. (2016). “To You it Shall be For Meat”: A Transcultural Perspective on Foodways of Ukrainian Transnational Migrants. *The TRANSverse Journal*, issue 15 “The Food Issue/ La bouffe en question”, pp. 70-91.
- Tolstokorova, A. (2013). Social Dividends of Migrants: The case of Ukrainian transnational migration.” *Journal of Social Policy* 6 (10), pp.147-196. Retrieved from www.fzf.ukim.edu.mk/files/00doktorski/Socijalna_politika-Revija_10.pdf
- Vahabi, M., Damba, C. (2013). Perceived Barriers in Accessing Food Among Recent Latin American Immigrants in Toronto. *International Journal for Equity in Health*, 12 (1), pp. 1-11.
- Yurchak, A. (2006). *Everything was Forever, Until it was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton University Press.
- Zgod'ko N. (2013). Неитальянка в Италии. *Toronto: Altaspera Publishing & Literary Agency*.

**THE SPLENDOURS AND MISERIES OF PYRAMIDOLOGY, OR THE
FRONTIER CASES OF (NOT)KNOWLEDGE: FROM ORIENTALISM TO
ALIENTALISM**

Kyrchanoff M.W.

Kyrchanoff Maksim W. Voronezh State University, Voronezh, Russia, 394000,
Pushkinskaia 16, e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

The author analyzes marginal theories and concepts that emerged as lateral and dead-end branches in the history of Western Orientalism. It is assumed that marginal intellectuals falsified historical sources. The goals of these falsifiers could be different, ranging from the desire to make a contribution to science, to make the history of their community more ancient or to obtain financial benefits. Three generations of falsifiers developed a marginal and non-academic discourse of Orientalism. The author believes that marginal intellectuals transformed Orientalism into Alientalism. Alientalism became a successful market project of a modern consumer society. Alientalism blurred the rigid boundaries between the various forms of knowledge and ignorance, turning them into a mobile frontier contact zone, where the non-academic theories continue to emerge.

Key words: history of science, Orientalism, falsifications, marginals, intellectual communities, Alientalism, consumerism

Introduction

Orientalism belongs to a number of contradictory moments in intellectual history and the history of the ideas of the modern West. The history of the emergence and development of Western Orientalisms, including European, American and Latin American, provides the historian with several examples how intellectuals imagined and constructed Orient, ignoring the requirements and patterns of academic knowledge and preferring to satisfy the rising and strengthening national identities, feelings and self-consciousness. European intellectuals in particular and Western authors in general tried and sought to imagine and invent different images of Orient as a non-West and these intellectual and cultural practices were extremely diverse and their goals also varied, ranging from a pure and honest desire to impact in Oriental studies to aspirations to use Oriental narratives and images for the development of the identity of groups and communities, intellectuals belonged to. Oriental studies in different countries of the West formed and developed very differently, but the author of this article believes that Oriental studies before the historical moment, it became a strict academic science with object and subject, could become victims of political manipulations, speculations and ideologies.

Therefore, attempts to use non-academic and non-systematized uncategorized knowledge and Oriental images were an integral part of various intellectual practices and strategies that inspired the emergence, progress or development of national identities of those groups that did not have an Ancient Oriental in general or an Oriental origin and roots in particular. The ancient Orient and its heritage were so powerful attractive factors in the 19th and early 20th century that some Western intellectuals sought and tried to integrate certain facts or even artefacts into their national historical narratives or their alternative unofficial versions. The history of early Oriental studies in this intellectual situation became a history of academic sincere service and a history of several falsifications. Therefore, the history of early pre-academic and non-institutionalized Orientalism is the history of the struggle between the myths and values of the nation against the principles and laws of the academic community. The history of Western Oriental studies, the collective and individual attempts of the Occident to imagine, invent and construct Orient provides modern historians with numerous examples of forgery, falsifications and violations of academic norms that form the basis of modern professional ethics.

Oriental temptations of the frontier experience

Analysis of the intellectual practices, tactics and strategies of forgeries of the ancient Oriental in particular or other artifacts in general is the main objective of this article, which also has several tasks, including analysis of the causes of falsification of historical sources and artifacts, studies of strategies of transplantation of Oriental images, motifs and artifacts into the non-Oriental landscapes, an analysis of counterfeiter's attempts to prove the originality of sources and artifacts, they "found" and promote the narrative of "antiquity" in national historiography canons.

Supporters of the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints, better known as Mormons, were probably the first who tried to use the ancient Oriental artefacts to solve their political tasks. Ideological myth and formally approved and accepted the ideologized version of the history, Mormons sincerely and truly believe in, has clear ancient Oriental backgrounds. The Book of Mormon, the main text of the Church and the source of its doctrine, exploits the biblical ancient Oriental images too actively. The narrative of the exodus of one of the Hebrew communities to America became, in fact, an attempt to invent history. It is obvious that the anonymous personal or unknown collective authors of this text actively used the achievements of European historiography and transplanted popular and romantic narratives into the contexts of the emerging American historiography.

The weakness of professional academic American historiography inspired to the success of Mormons in their attempts to promote their version of history, which claimed to be the basis of the historical grand narrative. Mormon intellectuals did not limit themselves to narrative exercises with Oriental images only. The Mormon acquisition of ancient Egyptian papyri is widely known, despite the fact that their attempts to decipher these texts were unsuccessful from an academic point of view. Mormons "translated" and interpreted the papyri in a way that was convenient for them. Mormons actually invented texts that had nothing in common with those real and authentic historical sources they owned and imagined as Mormon historical relics and artefacts. These texts were not enough to satisfy the historical imagination of Mormon ideologists and they inspired the emergence of Mormon archaeology which imagined and falsified the results of archaeological excavations for the implementation of the Mormon historical myth. It is logical to assume that Mormons were not the only falsifiers and amateurs who tried to transplant the Oriental artefacts into American contexts and spaces, but they probably became the most famous and successful inventors of history and the discoverers of new non-academic meanings in real Ancient Egyptian artefacts or falsified sources.

The first generation of counterfeiters creates folk-Orientalism

This article is an attempt to analyze the intellectual practices and strategies of Orient's invention and its confusion with national history in contexts of the activity of several historical figures including James O. Scotford, Daniel E. Soper, James Savage and Padre Carlos Crespi Croci, who "collected" and tried "to systematize" historical and archaeological artifacts, providing them with different meanings and interpretations, rejected and unrecognized by academic historiography and archeology. Doubtful activities from the academic point of view of these intellectuals are known, and their "achievements" are following: James O. Scotford in 1890 "found" a clay casket in the district of Montcalm; Daniel E. Soper and James Savage began archaeological excavations in Michigan, the numerous "artifacts", including tools, weapons, utensils, ornaments became their results; James Savage donated his collection as a gift to the University of Notre Dame. Padre Carlos Crespi Croci, a Catholic priest, served in Ecuador, where he collected a collection of local "artefacts" that local peasants sold to him. Padre Carlos Crespi Croci did not have a historical and archaeological education and therefore the authentic artefacts of local Indian cultures and the latest products of his Indian contemporaries were included in the collection and mixed in it. Milton Hunter, a Mormon priest and president of the New World Archaeological

Foundation, in the first half of the 1960s got access to the collection from the University of Notre Dame and bought a collection of Daniel E. Soper's heirs. Mormon intellectuals tried to academize the collection of Daniel E. Soper and James Savage, arguing that all artefacts are authentic and their creators were immigrants from the Middle East who settled in North America some years later after Jesus Christ was crucified. The proponents of this viewpoint believe that these ancient migrants created their own culture and civilization. The political and ideological message of supporters of this point of view was obvious: the modern USA is the historical heirs of Indian cultures, English colonists and natives from the Ancient Orient. These ideas, despite their anti-academic nature, placed Americans on a par with ancient civilizations and cultures and made them involved in their contribution and impact on world culture.

Pseudoarchaeology, alternative archaeology, fringe archaeology etc.

The efforts of marginal intellectuals (Hancock, 1995) (Velikovsky, 1950) (Von Däniken, 1968) institutionalized a new direction in pseudoscience which became known under several names, including pseudoarchaeology, alternative archaeology, fringe archaeology, fantastic archaeology, or cult archaeology (Feder, 2010) (Wallis, 2003) (Fagan, 2006) (Flemming, 2006) (Schadla-Hall, 2004) (Sebastion, 2001) (Stiebing & William, 1987). These marginal branches of archaeology arose in the 19th century and could not adapt to the academicization of historical knowledge. Representatives of marginal archaeology prefer to operate out-of-place artefacts. These marginal directions had nothing in common with academic archaeology and historiography, and their achievements and successes quickly became victims of impartial academic analysis, although representatives of academic archaeology and other related sciences, including Oriental studies, prefer not to notice and ignore marginals and their discoveries. These forms of archaeology have nothing in common with academic forms of archaeology (Cole, 1980) (Fagan & Feder, 2006) (Holtorf, 2005) (Moshenska, 2008) because the intellectuals involved in these studies prefer and actually correlate their results with the political and ideological situation or religious preferences of groups or institutions which sponsored archaeological excavations. Nationalistic conjuncture and the rise of national identity, the progress of nationalism inevitably inspired an ideological and social inquiry that stimulates the anti-academic activities of intellectuals in archaeology, the falsification of artefacts or biased non-academic interpretation and understanding of sources.

Pseudoarchaeology and invention of senses

Pseudoarchaeology specializes in the falsification of historical sources and artefacts. What causes and incentives push intellectuals to become falsifiers and marginals? No one of them recognized themselves as negative figures in modern science, but they will try to create the areol of martyrdom and sacrifice, accusing academic science of repression and persecution. The reasons for the rise and progress of pseudo-academic explanations are diverse. If we analyze the "artefacts" of ancient Oriental origin found in the United States or Latin America, the reasons for their appearance can be extremely diverse. On the one hand, intellectuals who falsified the sources could have formally good goals because they sought to introduce nations, they belonged to, into the circle of historical peoples. Nationalists believed that the possession of ancient history and great ancestors belong to the number of attributes and characteristics of the nation. On the other hand, modern societies of consumers are not so picky in the motivations and legitimations of falsification, imagination and invention of the past or the appropriation of another's history. It is extremely doubtful that the ideological and political feelings of nationalism are driven by modern falsifiers or determine the motives and incentives that force them to falsify historical and archaeological sources, promoting non-academic and pseudoscientific interpretations.

It is logical to assume that the logic of the market and consumerism became the main and most important stimulus for archaeological and historical falsifications and the "discovery" of the ancient Oriental stratum in the history of the Americas. The falsifiers hope that consumers of their ideas will believe in non-academic texts about the contacts of the Ancient Orient with America, they also understand that books about the ancient Egyptians or Babylonians who discovered America will be sold better than pure academic studies about the cultures of pre-Columbian America or the Ancient Orient. Falsifiers use several tactics and strategies for their communication with the society they belong to. Falsifiers are very persistent in their attempts to promote and popularize their versions and forms of historical narrative. On the one hand, falsifiers prefer to pull out their artefacts from contexts, including archaeological, social and cultural ones. On the other hand, they are very aggressive and active in their confrontation with academic archaeology and history, because formal barriers, limitations and prescriptions of academic ethics are not significant to them. Falsifiers speculate with formal similarities between American and Middle Eastern archaeological traditions actively, but they are more active in the promotion of the narrative that the representatives of Babylon, Assyria, Egypt visited America long before Columbus. The absence of formal restrictions allows falsifiers to mix and combine different cultures.

Their "artefacts" can combine elements of different civilizations and traditions. All formal limitations were always secondary and unimportant for representatives of non-academic archaeology who tried to prove that representatives of ancient Oriental civilizations visited the American lands. The political and ideological motives of antiquity and involvement simultaneously stimulated the anti-academic practices of intellectuals who imagined their mission of Orientalization of American spaces as a serious academic task.

Pseudoarchaeology as an attempt to transplant Orientalness in non-Oriental cultural landscapes

If we reach a consensus that the Oriental artefacts of alternative archaeology, found in North and Latin America, are counterfeits, then it is perspective to analyze two dimensions of the activities of falsifiers. Firstly, the production of artefacts. Secondly, the meanings of the production of false artefacts. Falsifiers, making fake and false artefacts, tried to imitate and feign the role of the creator because the history of the Americas did not provide them with examples of this cultural tradition. What was the meaning of the falsification of historical artefacts? Creating these false artefacts, forgers played the role of creator and they transplanted the historical, cultural and political traditions of the Ancient East into North American cultural spaces simultaneously. Falsifiers seek to transfer the historical experience of the Ancient East to imagined cultural and political bodies of North and South America. Intellectual and social activities of falsifiers in pseudo-Orientalism were forms of cultural and symbolic communications. Fake artefacts, first of all, the Orientalist of origin, became a form, an imitation and a simulation of the cultural and social gift. Falsifying the results of archaeological excavations pseudo-Orientalists, on the one hand, feigned the very symbolic and sacred procedure of the gift. On the other hand, they mimicked the sacral ritual of sacrifice because of the fake artefacts, falsified by them and buried by them or their accomplices, were a necessary sacrifice. These intellectual practices and strategies of supporters and representatives of pseudo-academic Orientalism had nothing in common with the traditions of classical academic Orientalism but were predominantly different cultural games and intellectual practices of transplantation of Orientalness into American cultural spaces and landscapes. These pseudo-Orientalists and falsifiers did not understand that they communicated with symbolic and sacred spaces of memory and identity.

Pseudoarchaeology and spirit of changes: from neutral zone to situation of frontierness

Pseudo-archaeological studies of self-proclaimed Orientalists were isolated and developed in their reserves until the early 1990s, but the rapid development of television, communications and the Internet changed the situation significantly and radically. If, before the beginning of the 1990s, the boundaries between academic Orientalism and the archaeology of the Ancient East were precisely boundaries with tightly regulated rules of crossing, then in the 1990s, 2000s and 2010s these boundaries turned and mutated into a shaky and indefinite frontier. If the neutral zone separated Orientalism and marginal theories before the early 1990s, then the contact zone completely replaced it in the next three decades. If before the beginning of the 1990s pseudo-Orientalists, supporters and apologists of alternative archaeology were relatively closed community, in 2000 they cease to be marginal in the eyes of society because academic science, including Orientalism and archeology, occupies the place of marginals as a result of several companies of mass media that discredited the achievements of academic Oriental studies as a closed science that allegedly hides the truth about the civilizations and cultures of the ancient Orient. Marginals and pseudo-Orientalists quickly occupied niches and positions, they drove academic Orientalism out. If before the beginning of the 1990s pseudo-Orientalists were a kind of cultural and intellectual sect, then in the next three decades they began to influence the formation and development of Orient images in the public consciousness.

Why did these negative transformations and changes become possible? Academic Orientalism chose to remain academic and could not withstand the onslaughts and attacks of profane and amateurs. Academic Orientalism preferred to exist in those forms and institutions, including specialized journals and centres that emerged during the earlier periods. Academic Orientalism was a prisoner of language because it was impossible to radically change and reconstruct the discourse by simplifying and primitivizing it and changing the main vectors and trajectories of analysis and description of the history of the Ancient Orient and its role and place in the history of world civilization. The academic orientalists could not adapt to the new situation because their community had ethical norms and rules which pseudo-Orientalists preferred to ignore. Pseudo-Orientalists, beginning in the 1990s, tried to combine two non-academic discourses actively, including alternative archaeology and the myth of aliens, which became the product of the mass culture of the 20th century. On the one hand, pseudo-Orientalists and adepts of alternative archaeology picked up Orientalism that fell from their attacks and strikes, simplified, primitivized it and combined it with Alienism – various phobias and myths

inspired and generated by the successes and progress of space operas and resulted in the collective belief in aliens. *Alientalism* became the result of this unnatural and highly resilient and adaptive mutation. Therefore, it is not surprising that the Google search engine will persevere you to offer *Orientalism* if you enter *Alientalism* into the search bar.

The second generation of counterfeiters combines pseudo-Orientalism with Alienism

The first generation of falsifiers created primitivized and simplified versions of Orientalism that integrated collective ideas about the past and preferred to use unverified facts, ignoring academic historiography, archaeology, and their arguments and evidence. The first generation of folk orientalists formed and proposed the canon, which integrated ideas about developed ancient civilizations and contacts between them. The ideas of the first pseudo-Orientalists did not have scientific nature and relatively quickly fell victim of academic research and revelations. It is logical to assume that the ideas of the first American counterfeiters could coexist with academic historiography and had a popularity among representatives of the church who denied official historiography and academic Orientalism. Mormons became faithful consumers of such ideas because their intellectuals themselves were among the falsifiers and formers of the canon of alternative archaeology and marginal Orientalism. Cultural dynamics of the second half of the 20th century changed and modified significantly the alignment of forces among falsifiers of history in general and Orientalism in particular. Erich von Däniken (1970) (1972) (1973) (1975) (1976) (1980) (1984) (1988) (1998) (2001) (2013) became the most significant falsifier of the second generation. The dynamic development of science fiction stimulated the appearance of the myth about aliens and supporters of paleocontact theory marginalized the traditional falsifiers of history.

The second generation of pseudo-archaeologists and pseudo-Orientalists replaced the first one. Representatives of the second generation did not bother to fake archaeological artefacts, preferring to imitate the academic style and “study” those facts and problems, official archaeology could not explain. The second generation of falsifiers tried to integrate various artefacts into the theory of contacts of representatives of ancient civilizations with hypothetical extra-terrestrials. Their efforts finally eroded the formally rigid and fixed boundaries between academic knowledge and profane amateur practices and strategies for constructing and inventing past and history. The activity of counterfeiters of the second generation institutionalized the situation of the frontier in the relationship between academic Orientalism and various marginal theories and

hypotheses. Erich von Däniken has kept away from the falsifiers of the first generation because he relatively successfully simulated and imitated academic discourse. Actually, Erich von Däniken became the founding father of a high culture of historical falsification and pseudo-Orientalism because the ideas of his predecessors were not so radical and ambitious, and the conclusions of his ideological heirs and successors in Europe and Russia were more primitive. The dynamic development of the mass media, which in the early 1970s began to produce virtually pseudo-documentary films about Oriental cultures and civilizations and their contacts with aliens, finally blurred the boundaries and division lines between forms of knowledge and transformed them in the frontier.

From Orientalism to Alientalism

Alientalism expresses itself in modern Western mass culture. The development of the American film industry in the 1990s - 2000e provides historians with several examples of manipulations with Orientalism. "Stargate" became one of the most ambitious and mass projects of modern Alientalism. Thematically, Stargate has much in common with Hollywood's other attempts to actualize the potential of Ancient Egypt, including "The Egyptian" (1954), "Land of the Pharaohs" (1955), "The Mummy" (1932, 1999 and 2017), "Joseph" (1995), "The Mummy Returns" (2001), "The Scorpion King" (2002), "The Scorpion King 2: Rise of a Warrior" (2008), "The Scorpion King 3: Battle for Redemption" (2012), "Exodus: Gods and Kings" (2015), "Tut" (2015), "Gods of Egypt" (2016). The oriental themes turned out to be so universal and attractive that the company "Private" known for its adult films created three pornographic films "The Pyramid" in 1996 and "Cleopatra" in 2003. Not all these films are Alientalist in the classic sense, but all of them equally assisted to the vulgarization of collective ideas about Orient and reproduced and promoted variously the myth of paleocontact of the inhabitants of the Ancient Orient with aliens, integrating Oriental images into various contexts of modernity. These films contributed to the formation and progress of the classical Alientalist canon, which includes the following statements and ideas: ancient civilizations, including Egypt and Babylon, were not the first civilizations; they received sacred and secret knowledge from their alien predecessors; the monumental structures of ancient civilizations, including pyramids, were created by aliens, academic archaeology deliberately hides all these facts. Alientalism in this intellectual situation opposes to academic Orientalism, despite the fact that Orientalists prefer to ignore the ideas of the Alientalists. Modern Orientalism and Alientalism are not equal in their competition and confrontation because the film industry very actively promotes the

Alientalist mythology, and academic Orientalism has neither the resources nor the possibilities to respond adequately to the myths of Alientalism that assimilate and marginalize scientific concepts about the civilizations of the ancient Orient in the mass consciousness.

The third generation of counterfeiters monetise Alientalism

Falsifiers of history including pseudoarchaeologists and pseudo-Orientalists change from generation to generation. If falsifiers of the first generation were active and ambitious, representatives of the second generation imitated academic discourse and were active, ambitious and self-confident enough to argue with academic science, then the third generation lost skills of their historical predecessors. If the representatives of the first and second generations were Americans or Western Europeans, then the pole of historical, archaeological and pseudo-Orientalist falsifications shifted to Russia in the 1990s and 2010 which experienced a wave of enthusiasm for Erich von Däniken's ideas that inspired local falsifiers who formed the third generation. The ideas of Erich von Däniken had the delayed and deferred effect in Russia. Despite the fact that the first translations of his books were published in the 1990s, a wave of pseudo-Orientalism covered Russia in 2010s only. Two figures, including Andrei Skliarov (1961 – 2016) (2011) (2013) and Igor' Prokopenko (2017a) (2017b) (2017c) (2017d), became the founding fathers of modern Russian pseudo-Orientalism. Their ideas are not original, but they create and reproduce the delusions and fabrications of their predecessors, including the followings: ancient civilizations were very developed and had unique technologies, ancient cultures were in contact with aliens, official archaeology and historiography conceal these facts deliberately. If the falsifiers of the first generation were just falsifiers, if the falsifiers of the second generation tried to monetize and marketize their ideas, then the Russian falsifiers of the third generation successfully found their place in the market economy. If falsifiers of the second generation were relatively original, then their Russian heirs prefer to primitivize, simplify conclusions of their mentors and broadcast them to consumers.

Conclusions

The competition and confrontation of Orientalism and Alientalism continue, the activity of adherents of pseudo-scientific concepts, including non-academic Oriental studies, has a steady character and it is pointless to assume that they will cease to disseminate their ideas because the market consumes them. Alientalism was so tenacious that became virtually a form of soft and unobtrusive euthanasia of academic history. The Stargate project became the most effective Alientalist attempt to reject academic

and official historiographies because its inspirers preferred to primitivize and explain almost all important events in the history of civilization by contacts with aliens or alien interventions. The series "Stargate SG-1" introduced several cultural and ethnic groups that existed in real history into the imagined universe and made them its heroes and inhabitants of other planets. Actually, the creators of the series "Stargate SG-1" deprived the history of meanings and logic because they imagined these groups as victims of alien influence and interference and evil aliens who moved people to other planets, conserving social, political and economic relations and institutions of ancient Egypt, antiquity or the Middle Ages. Alientalism in this cultural situation once again actualized the constructivist nature of the history (except for the history of modern times and emerging capitalism, the creators and founding fathers of the Alientalist discourse did not dare to assimilate) and did it no worse than recognized postmodern intellectuals.

Unscientific and non-academic theories continue and will continue to serve and satisfy market demands. The history of non-academic Oriental studies which, unlike other unrecognized theories, survived and could adapt to modernity, is more an exception than the rule because other alternative theories in Oriental studies died out or became invisible practically and virtually. Alternative ideas in non-classical Orientalism survived and mutated into Alientalism, combining several ideas that were rejected by academic science. The idea of contacts between ancient civilizations was connected with the non-academic theory of paleocontact, inspiring the flowering and triumph of Alientalism. It is impossible to exclude that modern mass culture will provide its historians and critics with several new examples of products in the style of Alientalism. The imagined universe of the Stargate testifies to the fact that the request for Alientalism was stable enough some years ago. It is logical to assume that the conjuncture can change and new myths will replenish the number of non-academic inventions of modern mass culture.

References

- Cole, J. R. (1980). Cult Archaeology and Unscientific Method and Theory. *Advances in Archaeological Method and Theory*, 3(1), 1-33.
- Däniken, E. (1968). *Chariots of the Gods? Unsolved Mysteries of the Past*. New York: Puntham.
- Däniken, E. (1970). *Return to the Stars*. NY: Souvenir Press Ltd.
- Däniken, E. (1972). *Gods from Outer Space*. NY: Bantam.
- Däniken, E. (1973). *The Gold of the Gods*. NY: Souvenir Press Ltd.

Däniken, E. (1975). *Miracles of the Gods: A Hard Look at the Supernatural*. NY: Souvenir Press Ltd.

Däniken, E. (1976). *In Search of Ancient Gods: My Pictorial Evidence for the Impossible*. NY: Corgi books.

Däniken, E. (1980). *Signs of the Gods*. NY: Corgi books.

Däniken, E. (1984). *The Gods and their Grand Design*. NY: Souvenir Press Ltd.

Däniken, E. (1988). *The Return of the Gods: Evidence of Extraterrestrial Visitations*. NY: Element.

Däniken, E. (1998). *Arrival of the Gods: Revealing the Alien Landing Sites of Nazca*. NY: Element.

Däniken, E. (2001). *The Gods Were Astronauts: Evidence of the True Identities of the Old "Gods"*. NY: Vega books.

Däniken, E. (2013). *Remnants of the Gods: A Visual Tour of Alien Influence in Egypt, Spain, France, Turkey, and Italy*. NY: New Page Books.

Fagan, G. G. (2006). Diagnosing Pseudoarchaeology. In G. G. Fagan, *Archaeological Fantasies: How Pseudoarchaeology Misrepresents the Past and Misleads the Public* (pp. 23-46). Abingdon, UK and New York: Routledge.

Fagan, G. G., & Feder, K. L. (2006). Crusading against straw men: an alternative view of alternative archaeologies: response to Holtorf. *World Archaeology*, 38(4), 718-729.

Feder, K. (2010). *Frauds, Myths, and Mysteries: Science and Pseudoscience in Archaeology*. London: McGraw Hil.

Flemming, N. (2006). The Attraction of Non-Rational Archaeological Hypotheses: The Individual and Sociological Factors. In G. G. Fagan, *Archaeological Fantasies: How Pseudoarchaeology Misrepresents the Past and Misleads the Public* (pp. 47-70). Abingdon, UK and New York: Routledge.

Hancock, G. (1995). *Fingerprints of the Gods*. New York: Doubleday.

Holtorf, C. (2005). Beyond crusades: how (not) to engage with alternative archaeologies. *World Archaeology*, 37(4), 544-551.

Moshenska, G. (2008). The Bible in Stone: Pyramids, Lost Tribes and Alternative Archaeologies. *Public Archaeology*, 7(1), 5-16.

Prokopenko, I. (2017). *Al'ternativnaia istoriia chelovechestva*. Moskva: Eksmo.

Prokopenko, I. (2017). *Istorii drevnih tsivilizatsii*. Moskva: Eksmo.

Prokopenko, I. (2017). *Tainy neizvestnyh tsivilizatsii*. Moskva: Eksmo.

Prokopenko, I. (2017). *Zagadki tsivilizatsii*. Moskva: Eksmo.

Schadla-Hall, T. (2004). The Comforts of Unreason: The importance and relevance of alternative archaeology. In N. Merriman, *Public Archaeology* (pp. 255-271). London: Routledge Press.

Sebastion, T. (2001). Alternative archaeology: has it happened? In *A Permeability of Boundaries?: New Approaches to the Archaeology of Art, Religion and Folklore* (pp. 125-135). Oxford: British Archaeological Reports.

Skliarov, A. (2011). *Obitaemyi ostrov Zemlia*. Moskva: Veche.

Skliarov, A. (2013). *Drevnie bogi - kto oni*. Moskva: Veche.

Skliarov, A. (2013). *Piramidy: zagadki stroitel'stva i naznachenii*. Moskva: Veche.

Stiebing, J., & William, H. (1987). The Nature and Dangers of Cult Archaeology. В *Cult Archaeology and Creationism: Understanding Pseudoarchaeological Beliefs about the Past* (стр. 1-10). Iowa: University of Iowa Press.

Velikovskiy, I. (1950). *Worlds in Collision*. Garden City, New York: Doubleday.

Wallis, R. J. (2003). *Shamans/Neo-Shamans: Ecstasy, Alternative Archaeologies and Contemporary Pagans*. London: Routledge.

БЛЕСК И НИЩЕТА ПИРАМИДОЛОГИИ, ИЛИ ФРОНТИРНЫЕ СЛУЧАИ (НЕ)ЗНАНИЯ: ОТ ОРИЕНТАЛИЗМА К АЛИЕНТАЛИЗМУ

Кирчанов М.В.

Воронежский государственный университет, 394000, Россия,
г. Воронеж, Пушкинская 16 Эл. почта: maksymkyrchanoff@gmail.com

Автор анализирует маргинальные теории и концепции, которые возникли как боковые и тупиковые ветви в истории западного ориентализма. Предполагается что маргинальные интеллектуалы фальсифицировали исторические источники. цели этих фальсификаторов могли быть различны, варьируясь от желания внести вклад в науку, удревнить историю своего сообщества или получить финансовые выгоды. Три поколения фальсификаторов развивали маргинальный и неакадемический дискурс ориентализма. Автор полагает что маргинальные интеллектуалы трансформировали ориентализм в алиентализм. Алиентализм стал успешным рыночным проектом современного общества потребления. Алиентализм размыл жесткие границы между различными формами знания и незнания, превратив их в подвижную фронтирную контактную зону, где различны неакадемические теории продолжают возникать.

Ключевые слова: история науки, Ориентализм, фальсификации, маргиналы, интеллектуальные сообщества, Алиентализм, потребление

Список литературы

- Cole, J. R. (1980). Cult Archaeology and Unscientific Method and Theory. *Advances in Archaeological Method and Theory*, 3(1), 1-33.
- Däniken, E. (1968). *Chariots of the Gods? Unsolved Mysteries of the Past*. New York: Puntham.
- Däniken, E. (1970). *Return to the Stars*. NY: Souvenir Press Ltd.
- Däniken, E. (1972). *Gods from Outer Space*. NY: Bantam.
- Däniken, E. (1973). *The Gold of the Gods*. NY: Souvenir Press Ltd.
- Däniken, E. (1975). *Miracles of the Gods: A Hard Look at the Supernatural*. NY: Souvenir Press Ltd.
- Däniken, E. (1976). *In Search of Ancient Gods: My Pictorial Evidence for the Impossible*. NY: Corgi books.
- Däniken, E. (1980). *Signs of the Gods*. NY: Corgi books.
- Däniken, E. (1984). *The Gods and their Grand Design*. NY: Souvenir Press Ltd.
- Däniken, E. (1988). *The Return of the Gods: Evidence of Extraterrestrial Visitations*. NY: Element.
- Däniken, E. (1998). *Arrival of the Gods: Revealing the Alien Landing Sites of Nazca*. NY: Element.
- Däniken, E. (2001). *The Gods Were Astronauts: Evidence of the True Identities of the Old "Gods"*. NY: Vega books.
- Däniken, E. (2013). *Remnants of the Gods: A Visual Tour of Alien Influence in Egypt, Spain, France, Turkey, and Italy*. NY: New Page Books.
- Fagan, G. G. (2006). Diagnosing Pseudoarchaeology. In G. G. Fagan, *Archaeological Fantasies: How Pseudoarchaeology Misrepresents the Past and Misleads the Public* (pp. 23-46). Abingdon, UK and New York: Routledge.
- Fagan, G. G., & Feder, K. L. (2006). Crusading against straw men: an alternative view of alternative archaeologies: response to Holtorf. *World Archaeology*, 38(4), 718-729.
- Feder, K. (2010). *Frauds, Myths, and Mysteries: Science and Pseudoscience in Archaeology*. London: McGraw Hil.
- Flemming, N. (2006). The Attraction of Non-Rational Archaeological Hypotheses: The Individual and Sociological Factors. In G. G. Fagan, *Archaeological Fantasies: How Pseudoarchaeology Misrepresents the Past and Misleads the Public* (pp. 47-70). Abingdon, UK and New York: Routledge.
- Hancock, G. (1995). *Fingerprints of the Gods*. New York: Doubleday.

Holtorf, C. (2005). Beyond crusades: how (not) to engage with alternative archaeologies. *World Archaeology*, 37(4), 544-551.

Moshenska, G. (2008). The Bible in Stone: Pyramids, Lost Tribes and Alternative Archaeologies. *Public Archaeology*, 7(1), 5-16.

Prokopenko, I. (2017). *Al'ternativnaia istoriia chelovechestva*. Moskva: Eksmo.

Prokopenko, I. (2017). *Istorii drevnih tsivilizatsii*. Moskva: Eksmo.

Prokopenko, I. (2017). *Tainy neizvestnykh tsivilizatsii*. Moskva: Eksmo.

Prokopenko, I. (2017). *Zagadki tsivilizatsii*. Moskva: Eksmo.

Schadla-Hall, T. (2004). The Comforts of Unreason: The importance and relevance of alternative archaeology. In N. Merriman, *Public Archaeology* (pp. 255-271). London: Routledge Press.

Sebastion, T. (2001). Alternative archaeology: has it happened? In *A Permeability of Boundaries?: New Approaches to the Archaeology of Art, Religion and Folklore* (pp. 125-135). Oxford: British Archaeological Reports.

Skliarov, A. (2011). *Obitaemyi ostrov Zemlia*. Moskva: Veche.

Skliarov, A. (2013). *Drevnie bogi - kto oni*. Moskva: Veche.

Skliarov, A. (2013). *Piramidy: zagadki stroitel'stva i naznachenii*. Moskva: Veche.

Stiebing, J., & William, H. (1987). The Nature and Dangers of Cult Archaeology. В *Cult Archaeology and Creationism: Understanding Pseudoarchaeological Beliefs about the Past* (стр. 1-10). Iowa: University of Iowa Press.

Velikovsky, I. (1950). *Worlds in Collision*. Garden City, New York: Doubleday.

Wallis, R. J. (2003). *Shamans/Neo-Shamans: Ecstasy, Alternative Archaeologies and Contemporary Pagans*. London: Routledge.

ISSN: 2500-0225

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№2 (10)

2018

ISSN: 2500-0225

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Scientific e-journal

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

№2 (10)

2018